

Анна Ярошевская Ирина Мирошниченко

Великие люди эпохи –

Анна Ярошевская Ирина Мирошниченко

Железный ангел

Параллель жизни

Петр безумно любил Катю. Она была похожа на солнышко – огненно рыжие волосы, стройная фигура и искорки в карих глазах очаровали молодого военного. С ней было ужасно легко и надежно, как это ни странно. Потому что она была сильной женщиной, в одиночку воспитывала сына Рудика, не стеснялась никакой работы, была трудоголиком. Сначала Катя боялась признаться ему в том, что у нее есть сын от первого мужа, глупенькая! Разве может помешать это настоящим чувствам? Петр всегда мечтал о большой семье, пусть так и будет. Сейчас Катя беременна от него, он хочет сына, а Катя – дочку. Что ж, если будет дочка, то пусть она окажется такой же смелой, как и ее мать. Такой же потрясающе красивой. Ладно, пора спать. Мужчина повернулся на правый бок и обнял лежащую рядом жену. Прохладно было в землянке, хоть и лето, а Кате лучше побережь себя.

Когда утро медленно разливало голубую краску по небу, словно художник, готовившийся рисовать, чтобы заполнить светом мир, Петр узнал, что ночью к лагерю подошли немцы, а солдаты были вынуждены защищаться в бою, имея в запасе только учебные ружья. Про Петра по счастливой случайности забыли. С боя вернулись немногие, каждый был ранен. Спасшегося каким-то чудом солдата вызвал к себе начальник лагеря:

– Петр Исаевич, – суровое лицо подтянутого мужчины, сидевшего за столом, внушало трепет, – что я могу сказать, вам крупно повезло.

Петр, вытянувшийся в полный рост, так и стоял столбом, не зная, что нужно говорить и как реагировать, он до сих пор был поражен случившимся. Наступила короткая пауза. Наконец начальник лагеря произнес заметно потеплевшим тоном:

– У меня к вам поручение, займитесь со своей супругой ранеными, накормите их, помогите медсестрам в перевязочной. Сориентируйтесь, что нужно сделать.

– Вас понял, товарищ капитан! – Петр отдал честь. Потом немного помолчал и решительно произнес:

– У моей жены в Москве сын остался, нужно его забрать оттуда. Разрешите отправиться в путь?

– Что ж, сын – это хорошо, будущий солдат. Выделим вам «полуторку», поезжайте, как все закончите. – Мужчина встал из-за стола и подошел к Петру вплотную, протянул ему руку и уже вполголоса произнес: – Вы счастливчик, Мирошниченко, вам суждено дойти до Берлина.

Капитан оказался прав, конец Великой Отечественной Войны Петр встретил в числе военных, победоносно штурмовавших Берлин. Но это будет еще не скоро, а пока его ждала дорога и неизвестность.

В дорогу они отправились через несколько часов. Машина тряслась по ухабистой дороге, того и гляди, сердце выскочит наружу из груди. Мальчик с темными волосами и большими серыми глазами сидел рядом с Катей. Это был ее сын. Как же он похож был на своего отца, арестованного во время страшных репрессий за какую-то нелепость. Тогда

сажали буквально за все – не так сказал, не так посмотрел... Игра со смертью. Впрочем, и сейчас Катя продолжает эту игру, ведь война то же, что и рулетка, – сегодня счастливый случай выпал ей, а завтра кому-то другому.

Петр сидел рядом с водителем, иногда оборачивался с тревогой назад, в сторону жены, чтобы спросить, как она себя чувствует. Катя только кивала головой в знак того, что все в порядке. «Надо же было ехать ей, беременной, мог бы и сам съездить за Рудольфом в Москву. Нет, настояла на своем, с ней не поспоришь!» – размышлял Петр. Иногда ему казалось, что есть в Кате что-то дьявольское, может виной всему рыжие волосы? А может цепкий взгляд, смотрящий в самую душу? Спорить с ней было невозможно, она всегда была права. Он не сможет разгадать эту тайну до конца жизни, к которому он подойдет в 1984 году. Но сегодня Петр об этом не догадывается, он знает только о том, что его любимая ждет ребенка, и что почти год длится война, об руку идущая со смертью.

Вот кстати и дает о себе знать смерть, взрывами бомб преграждая дорогу машине. Незачем поминать зря ее имя всуе, иначе она услышит и придет забирать свою страшную дань – человеческую жизнь. Впереди, метрах в пяти от машины взорвалась бомба. На дороге образовалась большая вмятина-воронка.

– Сворачиваем в лес! – бешено закричал водителю Петр. По обеим сторонам от дороги начинались лесные массивы. Молодой парнишка-водитель замешкался, резко повернул руль вправо, и машина, вильнув хвостом, чуть не попала в кювет. «Черт, – ругался мысленно Петр, – надо было самому сесть за руль». Бросив быстрый взгляд на заднее сиденье, он увидел, что Рудик прижался к матери, а та гладила одной рукой его голову, а другой – свой живот и что-то говорила.

– Не волнуйся, все будет хорошо, мы выберемся! – крикнул мужчина Кате и, отвернувшись, стал вглядываться в голубые волны неба. Как удивительно не вязались его чистота и яркость с тем, что происходило внизу, на земле... Параллель жизни и параллель смерти, которые, все же иногда пересекаются, затягиваясь в тугий узел. Над машиной, словно ястреб, кружился немецкий самолет.

– Скроемся в лесу, – крикнул еще раз Петр напарнику. Тот, уже придя немного в себя, съехал с дороги и вступал в пространство зелени и солнечного света. Дорога здесь была еще хуже, корни и бугры мешали ровному ходу, земля налипала на колеса. Но когда речь идет о жизни и смерти, все пути хороши для спасения. Петр не позволит пересечься параллельным прямым, он должен уберечь своего ребенка.

Постепенно шум немецкого самолета становился все глуше, оставаясь позади. Петр раскрыл карту, чтобы посмотреть, сколько километров осталось до их лагеря – не так много. Можно даже срезать расстояние по лесной дороге. Мужчина обернулся к жене – она сидела мертвенно бледная, сжимала руку сына своей рукой, но не проронила ни слова. Ни разу не вскрикнула – ни от боли, ни от страха. Он гордился ею, гордился, что смог покорить самое яркое солнце на свете.

Сразу после этого случая Петр увезет свое солнце далеко от этого места, спасая три жизни. Мерный стук колес убаюкивал их. Поезд, на котором они втроем отправлялись в Сибирь, был словно железный страж их покоя. Кате казалось, что чем больше за окном мелькает городов, тем дальше от них становится смерть. Странно это – убегать от смерти, которая гонится следом. И кто сильнее Катя не знает. Хотя нет, есть то, что сильнее всякой смерти – это любовь. Разве не любовь толкает Катю сейчас с сыном и еще не рожденным ребенком в путь? Да, это она. Катя украдкой взглянула на Петра – статный, высокий, в военной форме – он похож на божество. Она любит его, а он – ее и плод их чувств скоро появится на свет. Это будет самый счастливый ребенок, потому что все дети, рожденные в любви, счастливы. Она это знала, потому что сама выросла в большой семье. Правда после смерти матери отец повторно женился и с мачехой не заладилось. Катя, хоть и была самой младшей, вынуждена была выполнять самую разную работу по хозяйству. Тяжело приходилось, но отчаиваться времени не было. Время вообще очень стремительно – еще совсем недавно о Кате говорили как о подающей большие надежды актрисе, а теперь она

спасается бегством в Сибирь.

В их купе постучали. Молодой офицер передал Петру какую-то телеграмму.

– Что там? – взволнованно спросила Катя, чуть подавшись вперед, чтобы не потревожить дремавшего у нее на плече сына.

– Вызов на фронт, приказано на ближайшей станции сойти и отправиться к месту назначения. Ты отправишься дальше одна.

– Я не отпущу тебя, – женщина протянула к нему руку, и тоска в его глазах встретилась с отчаянием в ее глазах, сливаясь в одно глубокое море безысходности.

– Нет, Катя, так нельзя, ты должна думать о детях.

– А кто будет думать о тебе?

– Меня будет беречь наша любовь. Я вернусь, обещаю. – Петр опустился перед Катей на колени и припал головой к ее животу. Она гладила его волосы, и они продолжали разговаривать друг с другом, только без слов. Так, молча, добрались до станции, на которой сошел Петр. Катя не проронила ни слезинки и не сказала ни слова. Потому что если бы произнесла хоть одну букву, обязательно бы разрыдалась. Молчание словно плотина, сдерживала поток готовых вырваться наружу слез. И тогда разразится страшный потоп, а она не имеет права провожать своего любимого так, не имеет права топить его надежду в своем одиночестве. Катя будет ждать и жить, жить и ждать. Вот сейчас только обнимет своего Петю в последний раз и поедет дальше. А дальше – Барнаул.

Звездочка

В Барнауле шли жесточайшие бои. Почти ежедневно бомбили. Рудик заметил, что перед бомбежкой замолкали птицы, и воздух пропитывался каким-то напряжением. За то время, пока они с мамой жили здесь, он научился определять по этим приметам время, когда нужно принимать меры предосторожности, которые только были возможны в эти страшные дни.

Катя с сыном поселилась в небольшой комнатке в двухкомнатной квартире. В соседней комнате жила добродушная женщина лет семидесяти. Надо сказать, что соседкой она была замечательной – частенько угощала Рудика вкусными пирогами, которые пекла с самой разной начинкой. Казалось, что она способна приготовить все, что угодно из любых самых скромных запасов. По вечерам они собирались на маленькой кухоньке и втроем пили чай. Вернее, вчетвером, так как малыш, которого носила под сердцем Катя, все чаще напоминал о себе, толкаясь и пинаясь в животе.

– Смотри-ка, нетерпеливая какая, не терпится ей на свет появиться! – замечала в такие моменты милая старушка.

Катя удивлялась:

– А откуда вы узнали, что это девочка?

– Приметы, дорогая моя. Приметы и опыт. Я ведь много годков прожила на свете, если ты заметила, – при этих словах женщина лукаво улыбалась, в ее глазах будто вспыхивали огоньки озорства, которые, должно быть, в молодости сияли очень ярко, разбивая мужские сердца.

– Ты чаек то пей, а то остынет, – напоминала она Кате.

– А дети есть у вас?

– Есть, наградил Господь. Вот, посмотри, сыночек.

Катя взглянула в сторону комода, на котором стояло фото русоволосого молодого человека с тонкими чертами лица.

– Красивый.

– Да, весь в отца. Только вот война на красоту не смотрит, перед ней все равны. На фронте он теперь. Писем жду как солнца, ими только и живу.

Катя молча кивала и слушала, любясь этой удивительной женщиной. Она обязательно тоже, как и эта старушка, будет жить долго, чтобы рассказывать своим внукам и правнукам жизненные истории, делиться воспоминаниями. Ведь воспоминания приобретают свою

глубину только тогда, когда их есть с кем разделить, и Катя поделится памятью о многих событиях, когда доживет до глубокой старости, пережив своего сына.

– А вот здесь – мой муж, посмотри, – соседка протянула Кате старую, потертую фотографию с оборванными уголками, с которой смотрел широкоплечий мужчина с пышными черными усами и густыми бровями, придававшими строгость взгляду. Создавалось ощущение, что взгляд его колется.

– Вы любили его?

– Сначала любила. Ты не поверишь, влюбилась в его усы, – рассказчица произнесла это таким тоном, словно раскрыла величайший секрет. – Молодая была, наивная. Ну а потом, знаешь, сын появился, Володька. Муж мой гулять начал, выпивал. Суров был характером. В один из его загулов я не выдержала и поставила ему условие – будет продолжаться также – увезу сына из дома. Любил он сына сильно, поэтому послушал. А я уж поняла, что не люблю больше, да жила все равно в браке. Ради сына.

– А разве можно без любви жить с мужем?

– Можно, дорогая. И не удивляйся. Можно, потому что есть то, что выше любви. Знаешь что это?

Катя замерла, ожидая ответа. Она никогда не представляла того, что может быть выше любви. Старушка с лукавой улыбкой продолжила:

– Выше любви может быть только счастливое детство твоих детей, ведь твой ребенок не просил тебя, чтобы ты его рожала, и поэтому твой долг – дать ему все, что в твоих силах, в том числе, и полноценную семью. Поняла?

– Поняла.

– Ну что, давай уже ко сну готовится. Отдыхать пора.

Хозяйка встала из-за стола и принялась наводить порядок. Хозяйственные дела давались ей с такой легкостью, что приятно было посмотреть. И вся она казалась какой-то небесной и теплой, излучающей уют. Так всегда бывает рядом с добрыми и несчастными людьми.

Но каким бы ни был человек, злым или добрым, солнце не выбирает, над кем светить. Точно также как и ночь, которая сотнями маленьких звезд смотрела в Катину окно. Сегодня эти недостижимые огоньки казались ей холодными. Так всегда бывает, когда чувствуешь себя одиноко. Сегодня ей было одиноко, как никогда, и из головы не выходили слова старенькой соседки о семье и детях. Да, Катя понимает, что хотела сказать ей эта мудрая женщина, учителем которой была сама жизнь. Сын Кати растет без родного отца, но с ребенком, которого она должна родить такого не случится. Катя сделает для этого все – если нужно, будет терпеть и жить с мужем без любви, лишь бы дети были счастливы. И, надо сказать, что это ее намерение осуществится, она останется верна своему слову. Спустя десять лет после этой ночи Катя решит, что устала от замужества, захочет развестись, но ее остановят слезы дочери, которая сейчас вот-вот должна придти в этот мир. Дочь признается ей, что не спала две ночи от переживаний, и расставание родителей разорвет ей сердце. Она обнимет маленькую дочурку, погладит по голове и пообещает, что все будет хорошо. Дочь поверит, и Катя тоже будет верить.

Но этой ночью она верит в другое – в светлое будущее, которое рано или поздно наступит, ведь не может же быть вечной война. Темнота однажды уступает место свету дня, дождь уступает место солнцу, смерть уступает место жизни.

Катя лежала в темноте и слушала свои мысли, постепенно окунаясь в теплые и мягкие облака дремоты. Ей хотелось уплыть к Пете, узнать, чем он живет, думает ли о ней. Она вспоминала его голос, наполненный самой густой нежностью, какая только может быть. Да, именно так – нежность в его голосе была густая, ее было как будто много и в то же время всегда мало, в нее хотелось укутаться, как в меховую накидку, чтобы согреться. Катя куталась, постепенно засыпая.

Сон прервался резкой болью, словно кто-то без предупреждения вонзил в ее тело нож. Катя почувствовала, как постель стала мокрой. Внезапный приступ боли заставил женщину

закричать. На шум появилась сонная соседка, а за ней и испуганный, со взлохмаченными волосами Рудик.

– Ох, ты, голубушка, рожаешь! – воскликнула старушка и обернувшись к мальчику скомандовала: – Давай-ка, сбегай по-молодецки и позвони из соседней квартиры в роддом, а я пока все необходимое подготовлю.

Женщина уверенными движениями принялась собирать Катины вещи и в тоже время подсказывала, как правильно нужно дышать.

– Не волнуйся, девочка, все будет хорошо – в хлопотах соседки была такая твердость и знание, что Катя невольно успокаивалась, зная, что находится в безопасности.

Безопасностью дышало и новое утро. Оно медленными шагами входило в город. Нарядившись в бледно-голубую накидку, оно стучалось в каждое окно, улыбаясь тонкими солнечными лучами. Катя, измученная родами, устало откинулась на подушку и закрыла глаза. У нее родилась дочурка, как и предсказывала старушка. Полумрак больничной палаты медленно растворялся в сиянии нового рассвета. Катя обернулась к окну, чтобы не пропустить первый рассвет своей дочери, и увидела на небе маленькую звездочку. Звезда эта, казалось, упрямылась и не хотела покидать высоту. «Маленькая непокорная звездочка, – подумала Катя, слегка улыбнувшись. – Моя девочка тоже обязательно станет звездой и будет счастлива». Как только прозвучало в сердце женщины это желание, звезда погасла, уступая простор неба солнцу и тишине. Удивительно, но сегодня не было бомбежек, словно все плохое затаилось перед величием новой жизни. Да, пусть это утро само даст имя ее дочери, которое будет означать «мир» и «покой», она знает, какое имя будет носить девочка. Оно покорит многие города и войдет в миллионы сердец, чтобы остаться там навсегда, и на самых популярных языках мира будут произносить: «Ирина». Такими мечтами встречала 24 июля 1942 года огненная, сильная женщина, только что родившая одну из самых знаменитых в будущем актрис – Ирину Мирошниченко. Мечты эти сбудутся, но только чуть позже, а пока Катя жила маленькими радостями и победами. Теперь ей нужно было заботиться еще и о малышке, думать о безопасности вдвойне. Она знала, что через несколько недель можно будет вернуться в Москву, ведь немцы почти отступили. Скоро они все вместе вернуться на родной Тверской бульвар и заживут счастливо, с чистого листа.

Детство и мечта

– Кто это там мяукает? – заглядывая под стол, приподняв скатерть, улыбалось лицо рыжеволосой женщины в домашнем платье и фартуке, который был в муке. На женщину, распахнув большие карие глаза, в которых, казалось, притаилось тепло солнечных лучей, смотрела шестилетняя Ирина. Ее каштанового цвета волосы были собраны в аккуратную косичку, голубенький сарафан с воротничком открывал коленки. Девочка сидела на корточках под столом, словно в домике под скатертью, уложив перед собой куклу и напевая тихонько что-то себе под нос. Она сразу умолкла, как только увидела мамино лицо, потому что стеснялась петь при ком-то, хотя ей это очень нравилось.

– Я пела Кате колыбельную песню, чтобы она быстрее выздоравливала. Я ее лечила, потому что решила стать врачом.

– А как же балет? Ты ведь и балериной мечтала быть, – улыбалась мама Ирине.

– Сейчас тоже мечтаю, – девочка вылезла из-под стола и, подражая балеринам, которых видела по телевизору, запрыгала по комнате.

– Хулиганка, а ну угомонись! – шутливо прикрикнула женщина. – Иди лучше во дворе с братом погуляй, а меня пироги в духовке жждались.

Девочка, все также пританцовывая и раскидывая руки в изящных движениях, выскочила во двор. Ирина с детства любила их двор. Тверской бульвар, на котором они жили, считается самым длинным бульваром в Москве. Папа рассказывал ей, что на его месте раньше был Тверской вал и стена Белого города, разрушив которые и построили в 18 веке Тверской бульвар. Теперь он соединял Никитские и Тверские ворота. Вдоль бульвара располагались старинные дома, величественные и таинственные. В них словно скрывалось

само время, прячась от людских глаз, чтобы никто не смог его поймать. Дома не запирались на замки, потому что некого было бояться. Можно было с утра до вечера просиживать на бульварных лавочках, учить уроки, читать, просто наблюдать за проходящими мимо людьми, сочиняя про них разные истории. Ирине нравилось это делать, но сейчас она помчалась в соседний двор, где Рудик, ее старший брат, гонял голубей. Мама часто ворчала по этому поводу, считала это занятие бесполезной тратой времени, но все же не запрещала детям лазить на голубятню.

– Рудик! – позвала снизу Ирина, шурясь от яркого июньского солнца, так как пришлось высоко задраить голову, чтобы увидеть брата.

– Иришка, стой там, сейчас спущусь.

Высокий, темноволосый подросток спустился с голубятни за сестренкой, чтобы помочь ей взобраться по ступенькам к клетке с голубями, страшно все-таки было за нее, и брат считал, что лучше помочь малышке.

Взобравшись вместе на голубятню, дети предавались радости и свободе, которую пробуждал в них вид порхающих в небесной сини голубей. Каких расцветок птиц только здесь не было: белые, серенькие и черные с белыми хохолками, с черными грудками, сизые, маленькие и большие, толстопузы и тощие. Совсем как люди, самые разные. Ирине казалось удивительным, как эти птички понимают, куда надо возвращаться. Может быть, у них внутри находится маленький магнит, который неизменно тянет их к родному месту? Ирина думала, что, наверное, у нее внутри такой же магнит, который всегда будет возвращать ее в родной город, где бы она не находилась. И девочка окажется права – в каких бы самых прекрасных городах мира она ни бывала, повзрослев и став знаменитой, ее всегда тянуло в любимый город детства – Москву.

Детское беззаботное времяпровождение прервал мамин голос, звавший их к ужину. Рудик и Ирина мчались домой наперегонки, такая у них была игра. Конечно, чаще побеждал брат, но малышка не отставала, сдаваться было не в ее характере. Запыхавшиеся, но счастливые, они вбегали в квартиру, громко смеясь, обнимали вернувшегося с работы папу и усаживались за стол. Особенно дети любили, когда мама пекла пироги, как сегодня. Так вот собираться за общим столом было настоящим счастьем и не важно, что жили все они в небольшой комнатке, что места не хватало, например, для того, чтобы поставить арфу для Ирининых занятий музыкой, главное, что семья вместе.

Только в тот момент никто не знал, как сложится дальнейшая судьба каждого, сидящего за столом. Нельзя было угадать, что Петр, Иринин папа, будет фактически при смерти из-за неожиданно давшего о себе знать ранения в легкое, полученного во время войны, и что спасти его сможет только операция. По настоянию доктора он уедет в Подмосковье, где начнет новую жизнь, работая завхозом в санатории. Он проживет больше, чем предсказанные врачами полгода, но уже покинув жену Катю и детей.

В то счастливое детство даже не закрадывалась мысль, что Рудольф и Ирина пойдут разными дорогами – он будет фактически погибать на обочине жизни, а она окажется знаменитой на весь Советский Союз актрисой. Они станут чужими и абсолютно разными людьми и неизвестно, что повлияло больше – слава, в блеске которой жила Ирина, или алкогольное забвение, к которому пришел Рудик. Его жизнь скоро будут составлять дорога и водка, вот две спасительные и одновременно губящие соломинки, за которые он держался. Работа водителем в крупном издательстве, конечно, обяжет иметь хороший вид, ведь возить придется известных личностей, и Рудольф будет стараться, но как только закончится очередная смена, он, с бутылкой водки наперевес, будет спешить к мужикам в гараж.

Сегодня жизнерадостный мальчуган Рудик не знал, что однажды многочисленные запои доведут его до больничной койки. Ему тогда, можно сказать, повезет, его спасет профессионализм профессора по медицине, который вырежет больную почку брату Ирины. После операции, по настоятельной рекомендации доктора, Рудольф переедет на новую квартиру, бросив запойную работу. Этот шаг продлит ему жизнь на пять с половиной лет. Но все это произойдет еще не скоро, и пока вся семья живет настоящим, дети смотрят в будущее

с надеждой и мечтами.

Правда будущее было для детей еще таким далеким, а хотелось поторопить время, быть самостоятельными и независимыми от родителей. Впрочем, старший брат раньше научился самостоятельности. Его отъезд по путевке на целину показался Ирине очень долгим, ей было скучно без его шуток и балагурства. Сегодня, наконец, Рудик вернулся домой. Девочка выбежала во двор, чтобы встретить брата, – столько нужно всего ему рассказать!

Рудик вошел в дом с загадочным видом. В руках он держал кепку, в которой что-то шуршало, как показалось Ирине. Ее глазки озорно заблестели, и она уже вертелась как юла вокруг брата.

– Подожди, не подсматривай, – говорил Рудик, задирая высоко руки, чтобы сестренка не увидела, что он принес.

– Покажи, там, что-то живое ведь, да?

– Сначала закрой глаза, так будет интересней.

Девочка вздохнула от нетерпения и досады продолжающейся загадочной игры, но все же повиновалась. Закрыв глаза, Ирина протянула руку к кепке и ойкнула, в ней было что-то колючее. Отскочив от брата, она ошеломленно смотрела на удивительное животное – все колючее, в иголочках, с черными бусинками глаз и смешно фыркает. Рудик заливался смехом, глядя на испуганную и в то же время удивленную сестру.

– Подойди, не бойся, это ежик – отсмеявшись, сказал мальчик.

Ирина подошла ближе и уже во всю рассматривала необычное существо. Бедный зверек от громкого шума, который произвели ребята, свернулся клубочком, и теперь невозможно было понять, где у него лапки, а где мордочка. Ирина перестала бояться ежа, она даже завидовала ему – как это ловко так он умеет выпускать свои иголочки в случае опасности, подпустит к себе только друга, того, кому доверяет. Почти такой же, как этот ежик, станет, повзрослев, сама Мирошниченко, выпуская свои колючки, чтобы защититься от чужих. Она была из тех женщин, которых нужно было приручать, и нельзя было приручить, если ей самой этого не хотелось. Но люди сложнее, чем ежики и порой сами себя не понимают. Сегодня, стоя перед лесным зверьком, любуясь его колючестью, маленькая Ирина понимала только одно – он должен остаться жить у них и она уговорит родителей разрешить им завести нового питомца. Правда вот уговорить уже хозяйничавших в квартире кота и собаку принять нового друга, да еще такого необычного, будет непросто. «Ну, ничего, как-нибудь подружатся!» – размышляла малышка, очарованная необычным для себя существом.

Балерина, грезы театр,

Необычными существами маленькая Ирина считала не только ежиков, но и балерин. В детском воображении эти легкие, тоненькие женщины, танцевавшие на сцене, казались феями. Представлялось, что в них есть какая-то загадка, которую Ирине во что бы то ни стало, нужно было разгадать. Она часто делилась этими мыслями с мамой, а та лишь по-взрослому объясняла, что все это пустые мечты, на самом деле быть балериной – это грандиозный труд, и если Ирина действительно хочет ею стать, то должна подготовить себя к боли и труду, труду и боли. Малышка, конечно, соглашалась, она знала, что такое «трудиться», ее уже успели закалить многочасовые уроки игры на скрипке, которыми она занималась в училище имени Гнесиных. Может быть, такое раннее тяготение к искусству, музыке и повлияло на дальнейший выбор девочки. Сегодня она выбирала балет.

Через несколько часов они с мамой пойдут в Большой театр, где объявлен набор в балетную студию. Ирине уже не терпится выйти из дома, и она скачет около мамы, накладывающей макияж перед зеркалом.

– Ну что ты скачешь, как шальная, и откуда столько энергии в тебе? – Катя вопросительно смотрела на дочь.

– Мамочка, давай, скорее, пойдем в театр, вдруг не успеем!

– Не волнуйся, уж ты обязательно вежде успеешь, – молодо рассмеявшись, женщина

слегка ущипнула девочку за нос, малышка залилась смехом.

– Мамочка, ты такая красивая, как королева! – маленькая Ирина восторженно смотрела на Катину отражение в зеркале. Короткая стрижка очень шла Кате, пышные пряди огненных волос подчеркивали тонкие черты лица, выражение которого было строгим и одновременно таинственным. Катя обернулась к дочери и произнесла серьезно:

– Запомни, доченька, женщина всегда должна оставаться женщиной и держать себя в форме. Как бы ни было тяжело в жизни, никогда не нужно забывать о макияже, причёске и улыбке на лице.

Ирина согласно кивнула головой. Она понимала мамины слова и потом не раз их вспоминала, восторгаясь этой способностью мамы всегда держать себя в форме. Однажды, уже будучи известной, Мирошниченко позвонит маме, расстроенная какими-то событиями, а мама ответит на жалобы дочери: «А ну-ка соберись, приведи себя в порядок, надень самое красивое платье, накрась мордочку и вперед!». Ирина всегда будет стараться походить на свою маму, даже поместит ее фото на столик в своей МХАТ-овской гримерке.

Но пока у маленькой Ирины нет гримерной, и она стоит перед маминым столиком, сгорая от нетерпения и ожидания.

Ожидание продлилось и в балетном зале, где должны были смотреть пришедших детей. В больших зеркалах, расположенных вдоль стен, отражался солнечный зайчик. Казалось, он любит свое отражение, и счастливый скачет по паркетному полу балетного зала. Солнечного зайчика не замечали ни взрослые, ни дети, потому что все были озабочены происходящим вокруг. Девочки и мальчики в одинаковых обтягивающих лосинах черного цвета и таких же купальниках стояли в несколько рядов. Некоторые из них боялись незнакомой обстановки настолько, что не решались пошевелиться. Другие же наоборот, старались производить как можно больше шума вокруг, чтобы на них обратили внимание. Ирина не принадлежала ни к тем, ни к другим. Она просто заняла указанное место и терпеливо ждала своей очереди. Как только комиссия была готова начать отбор, всех детей вывели в коридор, а зал закрыли. За несколькими столами остались сидеть члены приемной комиссии. Их лица выражали внимательность и сосредоточенность. Заглядывая в список, седоволосая женщина в очках называла фамилии детей и тот, кого вызвали, входил в зал. Спустя несколько минут ребенок выходил, и называлась следующая фамилия. Ждать своей очереди Ирине пришлось долго, желающих заниматься балетом оказалось много. Чтобы как-то скоротать время, она разглядывала окружающую ее обстановку. Коридор был широкий, с красной дорожкой посередине. Потолки украшены массивными люстрами, а стены в изысканной, витиеватой лепнине были словно взятыми из какой-то сказки.

Здесь невольно начинаешь чувствовать нечто волшебное, воспринимаешь себя маленькой принцессой, пришедшей на великолепный бал. «Интересно, а Золушка в таком же дворце встретила своего принца?» – размышляла Ирина. Ей нравилось подмечать что-то необычное, выдумывать. Благодаря этой своей способности она всегда, даже в самые сложные моменты, сможет найти что-то хорошее, чтобы подняться и идти дальше. Сейчас свое волнение девочка скрывала за такими незатейливыми мыслями. Но углубиться в мечты ей не пришлось, шепот стоящей рядом худенькой светловолосой девочки вернул Ирину к реальности: «А я знаю, что ты не пройдешь!».

Такие слова поразили Ирину, она не понимала, почему вдруг так высказалась эта незнакомка. Малышка не знала, что ответить и промолчала. Как только вызвали Мирошниченко, прежде чем войти в зал, она обернулась к той девочке и показала ей язык. Девочка обиженно насупилась, а Ирина, довольная собой, вошла в комнату, где ждала приемная комиссия. Оказавшись внутри, она минуту помедлила, а потом, высоко подняв голову, вышла на середину зала. Мужчина в очках с небольшой седеющей бородкой и улыбочивыми глазами произнес: «Показывай, что умеешь». Ирина выполнила несколько упражнений. Женщина, которая до этого вызывала по списку детей, подошла к Ирине и попросила девочку прогнуться. Выполнить эту просьбу удалось с трудом. Женщина вернулась к столу и что-то записала. Посовещавшись между собой вполголоса, члены

комиссии попросили Ирину выйти. Процедура повторялась точно так же, как и со всеми остальными, но девочка почему-то чувствовала, что с ней все по-другому. Так и вышло. Когда закончили отбор и стали объявлять результаты, Ириной маме сообщили, что ее дочь не может быть принята в балетную школу при Большом театре из-за слабого сердца и плохо гнущегося позвоночника.

По дороге домой Ирина обо всем узнала. Она поняла главное – балериной ей не быть никогда, и та незнакомая худышка со светлыми волосами оказалась права. Жаль только, что Ирина не смогла по достоинству ей ответить, что все равно станет знаменитой. Ну ничего, теперь то уж она точно никому не даст себя в обиду, чего бы ей это ни стоило. Так маленькая Ирина решала про себя, пока возвращались домой.

Через несколько недель девочку записали в театральную студию. Здесь для нее открылся новый мир, о котором она и не подозревала раньше. В театральной студии можно было перевоплощаться в кого угодно: смелых и трусов, смешных и серьезных, одиноких и счастливых. Театр – это возможность проживать несколько жизней, умирая и рождаясь вновь. Ирина, постепенно взрослея, все больше влюблялась в сцену, в роли. Ей нравилось ощущение владения чужими судьбами, которые она играет.

Поиск новых граней в характерах героев занимал все ее мысли, забирал силы. В будущем такая всепоглощающая страсть к сцене и театру сыграет решающую роль в жизни актрисы, заменив славой и аплодисментами любовь самых близких и дорогих людей. Но это случится не сразу, пока же девочка просто увлеченно посещает театральную студию, усердно учится и только строит планы. В этих по-детски чистых и смелых планах отводится место ее родным, она думает о том, как они все вместе будут путешествовать и посмотрят мир.

Рудику она купит самую-самую быструю машину, и они вместе будут кататься по улицам самых разных городов, превышая все возможные скоростные режимы. Мама сможет открыть театральный кружок, где будет давать уроки актерского мастерства и сама играть на сцене, чтобы воплотить, наконец, свои несостоявшиеся желания стать актрисой. Папу Ирина отвезет в лучшую клику, чтобы поправить его здоровье, и он будет счастлив. А потом они все вместе будут сидеть где-нибудь на берегу моря и встречать закат. Все это казалось Ирине так естественно и реально, что она не сомневалась в достижении подобных желаний. Не сомневалась она теперь и в том, что благодаря отказу, полученному в Большом театре, станет знаменитой актрисой.

Конечно, очень скоро девочка поняла, что к мечтам идти не так легко, есть множество препятствий, которые строят не только обстоятельства, но и люди, которых считаешь друзьями. Так случилось и с Ириной, когда на выпускном спектакле она обнаружила, что в ее туфли кто-то залил воду, и они расклеились. Тогда пришлось искать другую обувь. Нашлись только туфли на размер меньше. Весь спектакль Ирина мучилась, преодолевая боль в ногах, но отыграла свою роль блестяще. Вскоре она сможет раскрыться полностью, вот только поступит в театральное училище и начнется новая жизнь, как новое лето и выпускной, которого Ирина очень ждала.

Вино и Уильям Гибсон

Лето 1961 года, одетое по последней моде, бежало босиком по московским бульварам и улочкам, раздаривая прохожим солнечные улыбки. Люди, казалось, были совсем другими – более счастливыми и свободными. Такой чувствовала себя Ирина. Она закончила студию при Театре Ленинского комсомола и уже подала документы во все возможные театральные вузы Москвы. Волнение перед неизвестностью и чем-то обязательно хорошим, наполняло ее сердце. Она понимала, что начинается новый этап ее жизни, прыжок в высоту. Достижимой ли будет эта высота, девушка не знала, но отступать не собиралась, вопреки множеству неодобрительных мнений ее друзей.

На небольшом вечере, который устроила Ирина с родителями, чтобы отпраздновать окончание театральной студии в компании близких друзей, будущую актрису отговаривала

подруга:

– То, что ты хочешь пойти в актрисы – не серьезно. Конечно, твоя красота привлекает внимание, но ты хоть представляешь, какой там отбор?

– Не представляю, – Ирина изобразила легкомысленность на лице. Девушка, стоявшая рядом с ней, была самой обычной внешности и собиралась идти работать на завод, для нее намерения Мирошниченко казались заоблачными и неосуществимыми.

– Нужно реально смотреть на вещи.

– Как ты? – в голосе Ирины звучали нотки ехидства.

– Можно и как я, – подруга немного обиделась такому тону, – Пойми, что не все мечты сбываются.

Ирина слушала внимательно, и в ее душе поднималось сожаление. Сочувствие к этой еще молодой девушке, которой положено мечтать, а она уже говорит как сорокалетняя женщина, разочарованная в жизни. Наконец Мирошниченко сказала с присущим ей озорством и легкостью:

– Да, сбываются не все мечты, а только те, для которых что-то делаешь.

На этих словах разговор потух, никто из девушек не хотел спорить, каждая осталась со своей правдой. Но Ирина предчувствовала, что ее старания не напрасны.

Она оказалась права, когда, стоя в группе таких же, как она, поступающих, прочла свое имя в списках прошедших на последний тур в МХАТ имени А. П. Чехова. Сердце в груди забилося так неистово, что готово было выскочить из груди и здесь же, на мостовой, станцевать лезгинку. Счастливая, она побежала домой, сообщить об этом маме, которая встретила ее со словами: «Преждевременная радость хуже горя. Не спеши так радоваться, еще последний тур нужно пройти». Ирина немного притихла, старалась не демонстрировать свой безумный восторг. Екатерина Антоновна была спокойна и как всегда сдержанна.

На последнем туре Ирина должна не просто удивить, а поразить всех. Они вместе занялись подготовкой Ирининогo платья. Мама считала, что внешний вид – половина успеха в любом деле. Купили только появившийся тогда капрон, чтобы сшить новое платье по распространенному тогда стилю «Лолиты» Набокова. Екатерина Антоновна корпела над нарядом дочери несколько дней и сшила изумительной красоты белое платье с синими цветами в форме фонарика. Стоячий воротничок и широкий пояс, завывающий талию, были особенностями моды 60-х годов. А чего стоило накрахмалить огромную тканевую юбку с оборками, которая одевалась под платье – это был адский труд. Но стоило надеть такое платье, как все готовы были замереть от восторга, потому что Ирина походила на изящную куколку с тоненькой талией, пышной юбкой и стройными ногами, которые на фоне юбки смотрелись еще тоньше, чем были на самом деле.

Так, одетая по моде, Ирина и пришла на последний тур в МХАТ. Для чтения она, по совету мамы, выбрала серьезный монолог, который создавал контраст с ее яркой внешностью. Может быть, именно кукольный вид Ирины в сочетании с серьезностью выбранного для прочтения текста и произвел большое впечатление на приемную комиссию, а возможно это было просто везение, но девушка с легкостью поступила в театр, ставший ей впоследствии вторым домом. Но та легкость, с которой девушка вошла в распахнувшиеся двери театра, была лишь началом, самое трудное было впереди.

Ее сокурсники, те, что жили в общежитии, особенно прониклись духом театра и студенческой жизни. В промежутках между занятиями они умудрялись устраивать веселые посиделки с вином и музыкой. На одну из таких посиделок позвали и Ирину.

– Ребят, только сразу предупреждаю, что я не пью, – сказала Мирошниченко, когда стали разливать крепкие напитки.

– Да ладно тебе, пригуби вина немного. Разве не интересно попробовать? – сидевший с ней рядом сокурсник так и лип к девушке, стараясь обнять. Ирина отдергивала его руку, встряхивая плечом.

– Ну что, слабо?

– Вот и нет! – зачем только этот долговязый лопухий парень произнес те слова,

против которых она никогда не могла устоять. – Давайте сюда свое вино!

Девушка залпом выпила полстакана красного вина и тут же ощутила, как горячая волна ударила ей в голову. Пространство вокруг закружилось. Ко всему прочему, парень, сидевший рядом, окончательно распустил руки. Лез целоваться и хватал Ирину своими костлявыми, потными пальцами. Ирина вырывалась. Кто-то из сидевших за столом хихикнул, но ни один человек не заступился. Наконец Мирошниченко удалось встать, но парень так и не уступал дорогу. Тогда она со всего маху ударила молодого человека коленом в пах, тот загнулся, а компания сокурсников засмеялась. Вдогонку ей только летели слова: «Молодец, Иришка, умеешь за себя постоять!». Да, это она умела. И та история окончательно лишила ее желания употреблять алкоголь. Она, конечно, не отказывалась поддержать компанию, но всегда старалась держаться в стороне, от чего многие считали ее зазнавшейся и высокомерной. А Ирине было все равно, для нее на первом месте была учеба, а не нелепые посиделки.

Занятия начинались с 9 утра и продолжались до 23 часов. В число дисциплин, которые изучались студентами, входили профессиональное мастерство, танец, сцена речи, фехтование и многие другие. Также нужно было посещать лекционные занятия, например историю искусства, партии и самого театра. Жизнь, в которую окунулась Ирина, была нелегкой, но трудности закаляли ее еще больше. Чем сложнее была задача, тем интересней было решение.

В погоне за трудностями Ирина выбрала на втором курсе для показа на экзамене пьесу Уильяма Гибсона «Двое на качелях». Раз решила, что будет играть роль главной героини, значит должна добиться результатов, найти нужный образ. Этими поисками она занималась во время часового обеденного перерыва. Ирина так увлеклась чтением, что не заметила, как к ней за стол подсел парень, учившийся на втором курсе. Высокий брюнет вызывал у девушки неприязнь, потому что принадлежал к разновидности тех парней, которые, пользуясь своей красотой, считают, что им многое позволено. Хотя этот, по видимому, думал, что ему не просто можно многое, а все.

– Что читаешь? – взгляд молодого человека при этом вопросе выражал крайнюю степень самодовольства, словно она обязана была ему непременно доложить обо всех своих делах. Ирина не ответила, углубившись в книгу, тогда парень просто повернул обложку книги к себе и прочел название.

– О, какой выбор, – хамоватая улыбка знатока мелькнула на его лице. – И какая же роль твоя?

Ирина раздраженно ответила:

– Проститутки, ты разве не знаешь, что в этой пьесе главная героиня – проститутка?

– Ого! А ты не так проста, как кажешься. Еще интересней, чем я думал. И что, опыт уже имеется? – голубые глаза старшекурсника поблескивали нескрываемым ехидством.

– Непременно, – сквозь зубы процедила Ирина. Парень хотел что-то ей ответить, но прозвенел звонок и Мирошниченко облегченно вздохнув, встала из-за стола. Если бы они остались там сидеть вдвоем еще хотя бы на несколько минут, Ирина не могла ручаться, что не дала бы ему пощечину. Скромных или наглых воздыхателей у будущей актрисы хватало, поэтому ей не хотелось задумываться над каждой такой историей, которая, она знала, со временем забудется. Только за несколько лет до окончания школы-студии этот голубоглазый парень признается Ирине, что был в нее влюблен. А ее это даже не удивит, не потому что была слишком самоуверенна, скорее даже наоборот, не уверена в себе, а потому, что те, кто ее любили, почему-то причиняли боль. Впрочем, в юности она не стремилась мыслить так глубоко, если к этому не приводили обстоятельства.

Обстоятельства – это, пожалуй, то единственное, что складывается непостижимым образом порой так, как нельзя и предположить. Также было и с Ириной. Будь она принята в шестилетнем возрасте в балетную школу, то не узнала бы никогда этой потрясающей театральной атмосферы. Заходя в гримерную, Ирина постоянно будет чувствовать свою причастность к истории, к таким именам, как, например, Книпер-Чехова, которая сидела за

тем же столом, что и Мирошниченко, смотрелась в то же самое зеркало, отдыхала на кушетке, которой теперь пользовалась Ирина. Приходя в этот свой любимый уголок, актриса будет снова убеждаться, что в мире нет ничего случайного, все происходит не просто так. Ей суждено было стать знаменитой, при этом, не прилагая особых усилий. До известности Ирине оставалось всего несколько лет. Пока же студентка первого курса зазубривала роли и училась пластике движений, даже не подозревая о том, что на третьем курсе чуть не будет отчислена из школы-студии.

Моника Витти и черный человек в одном лице

Осень, должно быть, сидя на голубой подушке неба, тренировалась в художественном мастерстве. Она очень старалась, тонкой кистью выводя контуры листвы, но ее отвлек ветер. Он налетел так стремительно, что из небесной подушки полетели перья-облака, а осень, рисуя картину, разлила акварельные краски. Выплеснувшись, они разбрызгались по земле, заполнив ее яркими цветами – здесь был и ярко-желтый, и оранжевый, и бордовый, вся палитра.

Упиваясь этой красотой, по тротуару шли две молодые девушки, оживленно что-то обсуждая. Они, наконец, нашли свободную от занятий в театре минутку, чтобы сходить на премьеру фильма Антониони «Приключение». Одна из них – Ирина – восхищенно говорила:

– Моника Витти в роли Клаудии просто великолепна! И какой сложный выбор перед ней стоял, когда она узнала об измене своего любимого. Я бы никогда не простила измену.

– Не зарекайся, – отозвалась темноволосая высокая подруга, в зеленых глазах которой отражался солнечный луч, придавая им необъяснимую глубину.

– Я просто знаю. И еще я знаю, что стану такой же знаменитой, как эта женщина, муза Микеланджело Антониони. Хочу быть на нее похожей, – Ирина слушала несколько минут, как шуршит под ногами листва, а потом неожиданно произнесла: – Я слышала, что идет набор актеров для фильма Георгия Данелия «Я шагаю по Москве», хочу попробовать пройти.

Подруга с недоумением смотрела на Ирину:

– Но ведь студентам МХАТа запрещено сниматься.

– Никто не знает, это ведь проходной фильм.

Иринина попутчица ничего не ответила, а сама Мирошниченко скоро забыла об этом разговоре.

Вернувшись домой, она рассказала маме о том, что собирается пойти на Мосфильм. Екатерина Антоновна отреагировала неожиданно: «Тогда тебе нужно стать блондинкой, потому что в кино пользуются успехом только блондинки». Мама в чем-то была права, взять хотя бы Моника Витти, которую обожала Мирошниченко. «Давай осветлим тебе волосы отваром ромашки, вот увидишь, они приобретут интересный цвет». Мама принялась хозяйничать у плиты, чтобы приготовить отвар, а Ирина послушно ждала, предвкушая, как завтра придет на пробы, талантливая и красивая.

На следующий день эффектная девушка со светлыми волосами, отливавшими золотом, появилась на киностудии. Как только отсняли несколько дублей, Данелия произнес:

– Можете идти.

Такой короткий ответ поразил Ирину, она ожидала чего-то другого.

– Куда идти? – Мирошниченко задала этот вопрос машинально, не осознавая, что он может звучать глупо.

Режиссер посмотрел на девушку поверх своих очков в черной массивной оправе, в которых привык работать, словно спрашивая, почему эта блондинка все еще здесь:

– Конечно, репетировать роль сестры главного героя, Кати.

Мирошниченко просияла от счастья. Домой она летела как на крыльях. Ей и не нужно ничего особо репетировать, потому что играть она будет, по сути, саму себя – москвичку, влюбленную в маленькие столичные дворики.

Напарником актрисы по фильму стал Никита Михалков, сыгравший Катиного брата

Кольку. Играть было интересно, потому что для начинающей актрисы все было впервые, и хоть ее роль была эпизодической, она постаралась сделать свою героиню запоминающейся. И это у нее получилось, на Ирину обратили внимание.

И это внимание чуть не закончилось катастрофой. Девушку вызвали на собрание руководства школы-студии. Входя в аудиторию, студентка уже знала, за что ее будут отчитывать. Но отпираться было бесполезно. Она ожидала, что будет разговаривать только с несколькими людьми, но в лекционном зале собрались почти все студенты МХАТа. Ирина застыла на месте, словно пригвожденная к полу.

– Заходите, заходите, Мирошниченко, – произнес один из преподавателей.

Ирина осторожно вошла.

– Ну вот, товарищи, посмотрите на эту кинозвезду, – хрупкая девушка, казалось, сейчас растворится, как снежинка под сотнями обжигающих взглядов.

– Мирошниченко, что вы можете нам сказать?

– Я попала на эту роль совершенно случайно, – пролепетала Ирина, тем не менее, каждый присутствовавший здесь все слышал, потому что в аудитории стояла невероятная тишина.

– То есть вы хотите сказать, что оказались в студии Мосфильма на пробах у Дanelии случайно?

Ирина молчала.

– Скажите, вы что-то имеете против режиссеров, которые преподают в Московском Художественном Академическом Театре имени Чехова?

– Нет, мне нравится этот театр.

– Тогда запомните, девушка, – какая-то незнакомая женщина, худая на вид, словно тростинка и с неимоверно длинными зелеными бусами, обмотанными вокруг шеи несколько раз, уколола взглядом, – что если вы любите наш театр, то должны уважать и его традиции. А традиции нашего театра запрещают студентам школы-студии сниматься у режиссеров, не имеющих отношения к МХАТу.

Бусы женщины, как будто подтверждая ее слова, брякнули.

– Мы будем решать вопрос о вашем исключении.

Ирина ощутила, как липкий холод пробежал по ее спине, а потом что-то внутри оборвалось. Это было похоже на взрыв, который смел последние преграды в душе девушки, старавшейся держать себя в руках. Слезы хлынули так стремительно, что даже Ирина не успела ничего сделать, чтобы взять себя в руки. Она разревелась на глазах у всех. Стало неважно, что это проявление слабости увидят преподаватели и студенты. Отступило и чувство стыда за такую выходку. Разве могут быть слезы, проливаемые за мечту стать актрисой стыдливими? Нет, они могут быть только настоящими. Вид плачущей девушки растрогал всех до одного. Кто-то из аудитории выкрикнул: «Дайте ей второй шанс». Его Ирине действительно дали, а она пообещала, что не будет сниматься у других режиссеров, сдерживая это слово в течение оставшихся трех лет обучения в школе-студии.

После этой истории Мирошниченко с еще большим рвением начала учиться. У нее словно открылось второе дыхание. Все остальные увлечения, друзья, родные отошли на задний план. Многие обижались, говоря, что Ирина совсем их забыла, зазналась. Но это было неправдой, она просто хотела добиться успеха, а он требует жертв. Это – своего рода товар, заполучить который можно, только если обменять его на что-то другое, не менее ценное. Ирина была готова работать сутками, лишь бы получить результат, даже играя всего лишь в массовке на выступлениях именитых актеров.

Однажды в спектакле «Синяя птица» актрисе пришлось одеться в непонятного вида черный балахон и в темноте ходить по сцене. С актерами, задействованными в массовке, не церемонились, поэтому они могли изображать все что угодно, порой даже самое нелепое. Актера таких сцен называли «черный человек», такой долгое время оставалась Ирина, даже имея за плечами несколько ролей в кино. Она просто не привыкла отказываться ни от какой работы, использовала любую возможность, чтобы прикоснуться к театральной жизни. Ради

этого актрисе часто приходилось делать непростой выбор между кино и театром. Она прерывала поездки, чтобы сыграть в МХАТе, летела на самолете, меняя часовые пояса, недосыпала, уставала, но всегда возвращалась в ставшую родной атмосферу игры, в которой была сама жизнь.

Правда, порой, ситуации были абсурдными. На одном из кинофестивалей за границей, куда пригласили Мирошниченко, местное посольство уговаривало актрису, когда та уже через несколько дней собралась лететь в Россию:

– Ну, куда вы поедите, фестиваль только начался?

– Мне нужно играть в театре, – настаивала Ирина.

– Давайте мы позвоним в ваш театр и все уладим, – доброжелательный тон, и желание оставить актрису здесь до конца фестиваля нравились девушке. В какой-то момент она даже поверила, что все может получиться. Но, увы, ответ из МХАТа был однозначным: «Если Мирошниченко не приедет, то может считать себя отчисленной из театра». Такая категоричность тогда казалась нормальной, и Ирина выбирала театр, который она всегда называла и называет искусством момента, происходящим только здесь и сейчас. Даже одна и та же роль всегда исполняется по-разному, потому что меняется зритель, меняются города, и сам актер постоянно меняется.

Ирина была готова идти на риск и перемены ради карьеры, но не стремилась что-то делать для любви и человека, за которым была замужем. Она считала семейную жизнь также некой постановкой для двоих, в которой каждый должен идти на определенные уступки, говорить и делать то, что от него ждут. Но в Иренином характере этого не было и поэтому семейная жизнь, начатая с Михаилом Шатровым, давалась актрисе нелегко.

Это сладкое слово – «развод»

Ирина познакомилась с ним еще когда училась в 10 классе. Он был старше ее на 9 лет, но их обоих это не смущало. Он придавал ей чувство уверенности и защищенности, она же давала ему возможность чувствовать себя моложе. Михаил напоминал Ирине мартовского кота с искрой озорства в прищуренных глазах. Сблизившись с ним, девушка удивилась, что его настоящая фамилия Маршак, сначала не поверила, шутила. Но на самом деле Михаил Маршак был родственником Самуила Маршака, известного поэта. Михаил начал писать пьесы на Алтае, где проходил практику, работая бурильщиком. Именно там он открыл в себе писательскую жилку, а в 1955 году опубликовал свою первую пьесу «Чистые руки».

Надо сказать, что когда будущий известный драматург принес показать рукопись Олегу Ефремову, молодому режиссеру при Центральном детском театре, тот посчитал Маршака психопатом, взявшим неудачный псевдоним. Когда Михаил пришел за советом к Самуилу Яковлевичу, рассказав случай с не принявшим его Ефремовым, Маршак-старший рассмеялся, но потом добавил: «Ты же понимаешь, что двух Маршаков быть не может». Он это понимал и решил взять фамилию героя из своей же пьесы «Чистые руки» – Шатров. И он не прогадал, эта фамилия оказалась для него счастливой, вскоре Михаил прославился на весь Советский Союз, принимая активное участие в культурной жизни сразу нескольких театров, был награжден множеством премий.

Театральная жизнь была первой страстью Михаила, второй оказались женщины. Как только он увидел Ирину, понял, что хочет видеть ее своей женой. Несмотря на то, что первый его брак сложился не очень удачно, на этот раз драматург надеялся, что все действительно по-настоящему. Девушка была потрясающе красива, белокурые локоны придавали ей вид ангела, сошедшего с самого неба. То, что Ирине не доставало немного ума по молодости, так это поправимо, он научит ее жизни. Их связывало пристрастие к театру, но, как оказалось в последствии, это же пристрастие их разъединило, Ирина болела театром, а затем и кино, гораздо сильнее, чем Михаил. Но осознание этого придет к обоим позже, а пока они начали семейную жизнь. В этой жизни их окажется трое – Ирина, Михаил и известность.

Ирина посещала студию при Театре Ленинского комсомола, и менять что-то в своей

жизни не собиралась, ее интересовала карьера. Возвращаясь вечерами после репетиций в их общую квартиру, Михаил часто находил Ирину, ходящей по квартире и твердящей наизусть какую-то роль. Она была так увлечена поиском подходящего образа, что забывала приготовить ужин. Тогда он готовил сам из того, что было в холодильнике, а Ирина лишь пожимала плечами и смотрела на мужа наивным взглядом, за который тот все ей прощал. Но так не могло продолжаться всегда, Михаил уставал. За десять лет совместной жизни он мог сосчитать на пальцах дни и вечера, которые они провели вместе.

В один из таких совместных вечеров, когда они сидели на кухне, обсуждая очередную Ирину роль, Михаил неожиданно прервал ее:

– Ирина, я знаю, что сможет нас сблизить.

Актриса, все еще находившаяся под впечатлением от роли, недоуменно взглянула на него, потом с улыбкой спросила:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты понимаешь, о чем идет речь, я хочу ребенка.

Услышав эти слова, Ирина переменялась в лице, словно произошло нечто ужасное, наподобие смерти. Актриса молчала, опустив голову к сценарию, который читала до этого. Михаил подошел к ней сзади и обнял за плечи:

– Ну что не так? – прошептал он, склонившись к ее лицу.

– Все так, но ты же знаешь, что я не готова сейчас к таким переменам.

– Ты уже десять лет не готова, когда же придет это время? – мужчина отпрянул от Ирины и отошел к окну, чтобы не выплеснуть на нее вскипавшее в нем раздражение.

– Как ты не понимаешь? – повышая голос и постепенно переходя на крик, говорила Ирина, тоже встав из-за стола. – Для актрисы перерыв все равно, что смерть, забытые! Я этого не хочу, у меня еще столько планов.

– Видимо, дети и семья в твои планы не входят, – почти шепотом произнес Михаил, по-прежнему стоя лицом к окну. Он сказал это очень тихо, но она услышала, в какой-то момент Ирине даже стало жаль его.

– Пожалуйста, не сердись, мы успеем. Обещаю, – актриса подошла к мужу, обняла его за талию, прижалась лицом к его спине и поцеловала в плечо. Он не мог устоять, ведь эта женщина каким-то загадочным образом знала обо всех его слабостях. Они снова помирились. Михаил решил, что подождет еще, а Ирина решила, что любовь к нему в ее душе почти совсем угасла. Но она продолжала жить с этим человеком, то ли по привычке, боясь изменить декорации в своей семейной роли, то ли оттого, что была слишком занята карьерой и до решения любовных вопросов не доходили ни руки, ни сердце. Она старалась быть хорошей женой настолько, насколько может себе это позволить актриса.

Домом она практически не занималась, и муж прощал ей это, но иногда все же удавалось выкроить вечер, как сегодня. Мирошниченко вернулась домой немного раньше. Михаил вышел ее встречать, чтобы помочь с сумками, сегодня они решили устроить небольшой ужин только для двоих. Хотелось отдохнуть от шума и суеты. Пока Шатров опустошал пакеты с продуктами, Ирина, как обычно, передевалась в другой комнате в домашнюю одежду.

– Что-то задерживается моя королева, наверно заблудилась в своих нарядах, – мужчина произнес эти слова громко, чтобы Ирина услышала, – Я иду к тебе!

Но Михаил не успел выйти из кухни – актриса уже вернулась. Лицо ее было убийственно и непроницаемо. Сначала Шатров ничего не понял, а потом увидел зажатые в руках жены тонкие жемчужные бусы, которые принадлежали его секретарше.

Ирина устроила скандал, кричала, что он бабник и обманщик. Что он может катиться к той женщине и иметь от нее столько детей, сколько ему приспичит, а она этого не потерпит. Швырнув бусы на пол, словно нечто ужасное, чего нельзя касаться, Ирина вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. Шатров стоял посреди кухни, смотрел на рассыпавшиеся по полу от удара бусины и молчал. Это было его единственным оружием и защитой одновременно.

Он так и не признался Ирине в измене. Что бы он ни сказал, это было бесполезно, потому что переубедить эту женщину было нельзя. К тому же, Михаил узнал о том, что Ирина закрутила служебный роман с режиссером, у которого сейчас снималась. Прежде чем окончательно уйти от мужа, Мирошниченко призналась ему так, словно речь шла о каких-то обычных, будничных вещах: «Я люблю другого мужчину. Мы должны развестись, так будет лучше для всех». Что он мог тут возразить? Шатров не станет ее удерживать.

А Ирина в глубине души будет ждать от Михаила решительных шагов. Будет ждать, но в то же время отдаляться от него по собственной воле. Против ее воли встанет только мама. Они будут ругаться по этому поводу. Когда они будут разговаривать о чем-то обычном, Ирина выпалит:

– Я решила развестись с мужем.

Екатерина Антоновна застынет с чашкой в руке и непонимающе воззрится на дочь. Ирина выдержит взгляд этой властной, сильной женщины.

– Почему? – наконец, придя в себя, произнесет она.

– Я больше не люблю его. И, похоже, он мне изменяет.

– Не сходи с ума, у тебя прекрасный муж! – слова матери были похожи на пули, которыми она безжалостно выстреливала в дочь. Мирошниченко только стремительно вылетела из маминой квартиры, так и не допив чай и не закончив разговор. Ей не нужны чужие советы и наставления, это ее жизнь и она будет поступать так, как хочет. В конце концов, Ирина имеет право быть счастливой.

Она обретет это право совсем скоро, но оно будет скоротечным, а Михаил Шатров обретет настоящую семью с четвертой женой, которая будет моложе его почти на 40 лет. Это будет последний брак драматурга, в котором он станет отцом дочери. О большой разнице в возрасте с женой он скажет, что важнее этих цифр для него остаются общность взглядов и идей, а все остальное играет второстепенную роль. Он умрет от сердечного приступа в своей московской квартире на 79-м году жизни. Когда Ирина узнает о его смерти, она будет сожалеть о том, что так сложилась их совместная жизнь. Кто знает, как все могло бы быть, если бы она не ушла тогда от него в новую любовь, к новым ролям?

Замужество, одиночество и 50 долларов

История ее новой любви началась с пробы. Ирине во что бы то ни стало нужно было заполучить роль в фильме литовского режиссера-новатора Витаутаса Жалакявичюса. Она знала, что на главную роль для фильма «Это сладкое слово – свобода!», который он снимает, нужна брюнетка, но все же пошла на кинопробы. И не прогадала – сделав несколько дублей, режиссер решил, что ему нужна именно Мирошниченко. Правда на жгучую латиноамериканку актриса мало походила, потому что была блондинкой. Эту задачу решили исправить с помощью черной краски, но, увы, старания гримеров не принесли результата, Витаутас и оператор были недовольны, а Ирина расстроена. Вообще этот темноволосый, серьезный латыш с густыми бровями, придававшими какой-то невыразимо глубоко задумчивый вид его лицу, показался Ирине не очень привлекательным и интересным. Но на первом месте для нее всегда стояла работа, а не взаимоотношения на площадке.

Приход Ирины на съемки следующего дня ознаменовался словами гримера, которая была простой, улыбчивой женщиной, с ней было легко работать, да и просто общаться:

– Ирина, готовься, будем пробовать урзол, чтобы получить черный цвет, правда запах будет отвратительный!

Мирошниченко лишь улыбнулась растерянно, но с готовностью переносила все попытки придания ее волосам черного цвета. Надо сказать, что процедура была не из приятных, но самое обидное заключалось в том, что получившийся цвет не был таким, какого хотели добиться. Больше средств не было, испробовали все, что было можно и после долгих споров решили изготовить парик.

Во время развертывания всех этих баталий за цвет ее волос, Ирина думала, что это

лишь немногие жертвы, на которые она готова пойти ради роли. Может быть это и неправильно, но она была такой – рискующей и на все согласной.

Правда иногда, если актриса видела свою героиню в немного другом образе, с другим характером, то прямо заявляла об этом режиссеру. Прислушивались единицы, и Витаутас принадлежал к их числу. Это нравилось Ирине, и постепенно она почувствовала, что их отношения переходят из разряда просто рабочих в нечто большее.

Сорокалетний режиссер тоже не остался равнодушным к актрисе, так неистово отдававшейся профессии. Их страсть перечеркнула все, что было до этой встречи. Ирина, которая была моложе режиссера на 10 лет, ушла со скандалом от Михаила Шатрова. Витаутас оставил жену, польскую актрису Гражину Рукшенайте и двоих дочерей, для которых его уход оказался настоящим ударом. Режиссер никогда не сможет забыть слезы жены, умолявшей его не уходить. Но страсть и увлечение не знают пощады, они сильнее, чем любые слезы.

Ирина теперь могла плакать только от счастья. Ей казалось, что она обрела настоящую любовь, которой все равно на условности общества, например, такие, как брак. Они просто жили вместе, ни к чему друг друга не обязывая. Правда, в один из съемочных дней, во время небольшого перерыва, когда они сидели в ее гримерной и пили кофе, Витаутас вдруг предложил: «Ирка, выходи за меня замуж!». Ирина чуть не поперхнулась напитком, уставившись на него широко раскрытыми глазами.

– Ну что ты так смотришь? Это ведь вполне естественно, когда два человека любят друг друга и хотят расписаться. И еще я хочу познакомиться с твоими родными.

Мужчина был настолько невозмутим и спокоен, что Ирина просто не нашлась, что ответить и как возразить. Возражать очень даже умело она будет маме, когда та, после встречи с режиссером, категорически заявит дочери:

– Ты должна выйти за него замуж!

– Нам и так хорошо вместе.

– Мне надоело, что ты меняешь мужчин как перчатки. Пресса не унимается, тебе самой-то не стыдно? – женщина смотрела на Ирину непроницаемым, не принимающим возражений взглядом.

– Пресса – скопище сплетен. А мои мужчины на то и мои, чтобы о них знала только я. – Мирошниченко была рассержена этим разговором. Еще не хватало, чтобы мать лезла к ней в постель.

– Я не учила тебя этому. Пока ты не повзрослела, я жила с твоим отцом только ради того, чтобы у тебя было счастливое детство.

– Ты так это говоришь, словно упрекаешь меня в этом, – Ирина уже кричала, – я тебя об этом не просила, между прочим.

Екатерина Аркадьевна ошалела от таких слов дочери, растеряв последние капли самообладания. Ее глаза были полны гнева и злости, которая выплескивалась из глубины души, грозясь затопить все вокруг. Медленно выговаривая каждую фразу, женщина произнесла:

– Или ты выходишь замуж за этого человека, или можешь забыть дорогу в этот дом.

На этот раз Ирина смолчала, резко повернувшись, умчалась на киностудию. Только там она могла снова придти в себя, быть, как это ни странно звучит, самой собой.

Как только они с Витаутасом расписались и прожили несколько месяцев бок о бок, Ирина почувствовала, что что-то важное теряется между ними. Режиссер был занят работой над фильмами, Ирина тоже снималась, и дома они пересекались не так часто. Если и встречались на кухне, то разговаривать им было практически не о чем. Страсть поутихла, и на ее месте остался пепел. Также бывает, когда разгорается слишком сильный костер, чем он ярче, тем быстрее сгорает и тем больше пепелище от него. Но все шло именно к этому, не только они оба это знали, но и окружающие. А когда Ирина позвонила маме и сообщила со слезами в голосе, что Витаутас ее ударил, было понятно, что это конец их истории. Причину, по которой это произошло и актриса и режиссер пожелали оставить в тайне. Все ушло также

внезапно, как и появилось.

Рядом с Ириной теперь не было того сильного и страстного мужчины, каким он был в самом начале их романа. Актрисе казалось, что это был какой-то другой, незнакомый человек, не тот, которого она любила. Тот даже не побоялся заступиться за нее, когда однажды толпа поклонников окружила актрису, требуя автограф. Витаутас как раз пошел провожать ее до машины, но, увидев, сколько людей стояло у дверей киностудии, не решился оставлять Мирошниченко одну. Растолкав назойливых зевак, он сам сел за руль ее автомобиля, чтобы отвести Ирину домой. А там она пригласила его на чай, который превратился в нечто большее. И сейчас этого большего уже нет, тот, кто готов был ее защитить, теперь сам поднял на нее руку. Такого простить она не могла никому. Хотя, конечно, ее характер выдержит не каждый мужчина.

Ирину тяготило постоянное присутствие мужчины в доме, это была ее территория, допускать на которую она никого не хотела и чем старше становилась, тем труднее представляла себе каких бы то ни было мужчин в своем пространстве. Наверно ее пространство было недостижимо для них и непонятно, они даже не стремились понять то, чем она жила, о чем мечтала. Каждый ее мужчина желал видеть в ней домохозяйку и мать семейства, а это было сверх сил актрисы. Вернее, это можно назвать самой низкой ступенью развития для нее, ведь она должна блистать. А разве можно будет блистать на кухне со сковородкой в руках или с кучей застиранных детских ползунков?

Нет, и Ирина это знала. Быть тенью за спиной мужчины, питаться его славой, жить его мыслями и каждый раз восторженно охать после того, как он продемонстрирует ей свое творение, было не уделом Мирошниченко. Как-то в голову не приходила мысль о том, что со временем она будет сожалеть о так стремительно сменявшихся романах. В ее душе прочно обоснуется мысль о том, что она никогда не останется одна, страх этого обстоятельства просто не существовал для Ирины.

Существовали только роли, которые были самыми осязаемыми в ее жизни, самыми настоящими и неподдельными. Они то, по крайней мере, никогда не обманывали ее неправдоподобными обещаниями, но представляли во всей своей наготе. Только она могла подобрать для них подходящие одежды, сделать их живыми и запоминающимися. В этом и заключался для актрисы парадокс – сцена, несмотря на всю свою зыбкость и закулисную грязь, была самой искроенной в ее жизни. Как говорится, не везет в любви, повезет в карьере. В этом Ирина убеждалась снова.

После успеха фильма «Это сладкое слово – свобода!», Ирину наградили призом за лучшую актерскую работу. Казалось бы, все прекрасно, но встревожил звонок из Госкино. Просили зайти к руководству. Войдя к секретарю, Мирошниченко понимает, что что-то идет не так. Серьезного вида женщина сходу начала задавать вопросы:

– Есть ли у вас родственники за границей? – актриса застыла в недоумении.

– Нет.

– Не может быть. Подумайте еще.

Ирина, окончательно сбита с толку, лихорадочно соображала, к чему этот допрос. Наконец секретарь пояснила:

– На ваше имя перечислено 50 долларов.

– От кого? – актриса чуть не выронила сумочку, которую держала в руках.

– Это мы выясняем.

– Мне не нужны никаких денег! Я даже не знаю, кто мог мне их прислать! – до Мирошниченко, наконец, дошел смысл происходящего, ее сейчас могут посадить за статью о валютных операциях. Не продолжая разговор, она стремительно выбежала из кабинета. Потом выяснилось, что это был гонорар от одного заграничного журнала, которому Ирина давала интервью. Да, за граница была совсем другой, там мыслили иначе, и из-за этой разности менталитетов Мирошниченко чуть не лишилась свободы. Впрочем, гастролируя по многим странам и городам, она поймет, что люди, какой бы национальности они ни были, всегда будут считать деньги, любить и умирать.

Город света

Яркое желтое солнце с бледно-розовой каймой по краям медленно поднималось над Сеной. Река словно держала на своей ладони свечу, которая разгоралась все сильнее. Такая же свеча горела в душе Ирины, разливая по телу приятное тепло. Она, наконец, исполнила мечту своего детства и приехала во Францию вместе с труппой театра. От открывшихся перед Мирошниченко видов захватывало дух, и даже немного кружилась голова. Ирина по-настоящему влюбилась в эту страну именно тогда, когда ехала в машине, наблюдая за просыпающимся городом. Она любовалась на него как бы со стороны, слушая ровное биение его сердца, звучащее в шелесте колес автомобилей, шуме ветра и музыке, летящей из множества открытых окон. Воздух, наполненный легкостью и прозрачностью, словно расправлял за спиной крылья. Париж был ее городом, он ждал Ирину уже давно, и она говорила с ним на одном языке.

Она знала, что этот город в прямом и переносном смысле способен сводить с ума, так случалось с некоторыми туристами, которые приезжали сюда впервые. Актриса слышала о таком психическом расстройстве как «парижский синдром», которым чаще всего страдали японцы. Головокружения и галлюцинации в сочетании с другими симптомами возникали в результате несоответствия идеального образа Парижа, которые рисуют в японских журналах, и реальностью. Этот симптом усиливался из-за яркого контраста в культурной жизни и манере общения. Когда Ирина узнала о таком явлении, она еще больше полюбила этот город, потому что чувствовала в нем силу, способную менять не только сознание, но и жизни людей.

Ирине нравилось называть его не так, как все привыкли, официальным именем, но тем, которое знали немногие, в том числе и она. С детства, изучая французский язык, актриса, само собой, увлеклась и этой страной, поэтому для нее не было секретом, что столица Франции имела второе название – город света. И все это не потому, что город сверкал множеством огней. Причина крылась в богатейшей культурной истории, которую создавали такие как Пабло Пикассо, Поль Сезанн, Мишель Монтень, Шарль Перро, Жан де Лафонтен и другие.

Париж жил своей особенной историей, частью которой была Эйфелева башня. Она должна была служить входной аркой для Всемирной выставки, которая состоялась в 1889 году. Ее вид, напоминающий гвоздь, произвел сенсацию, тогда и возникло выражение «гвоздь программы». Если бы не начавшаяся эпоха радио, принесшая с собой сотни антенн, удобно устанавливаемых на строениях, то башню бы демонтировали через несколько десятков лет. Ирина не могла представить себе Парижа и Франции без этого символа. Удивительно, что находились люди, которые не любили Эйфелеву башню. Например, знаменитый писатель Ги де Мопассан раздражался, когда ему на глаза попадалось это строение, которое он считал вычурным и громоздким. При этом каждый день он обедал в ее ресторане и при этом пояснял, что только с этого единственного места во всем Париже, откуда не видна башня. Для Ирины он казался чудачком. Впрочем, Париж и вся Франция были сами по себе наполнены чудачествами.

Гуляя по Елисейским полям, Ирина столкнулась с группой афроамериканцев, которые были обвешаны маленькими копиями Эйфелевой башни. Сувениры продавались туристам за небольшую плату. Один темнокожий мужчина, наиболее активно жестикулировавший перед проходящими мимо людьми, обратил внимание на Мирошниченко. Быстро подбежав к ней, он стал перечислять страны на английском языке, а как только добрался до России, и Ирина улыбнулась, начал угадывать ее имя, произнося на ломаном русском женские имена – Катя, Марина, Наташа... это зрелище забавляло актрису, вызывая детский восторг. Правда чуть позже она обнаружила, что у нее украли кошелек с билетами. Огорчению не было предела, потому что нельзя было даже предположить, что эти прекрасные, с виду счастливые люди, способны на воровство. Конечно, она догадывалась, что скорее всего это сделали те уличные торговцы, которых разгоняла полиция, но доказать было ничего нельзя, а то, что

недоказуемо, можно пережить, и Ирина решила не омрачать этим событием поездку. Актриса полностью отдалась во власть неповторимых эмоций, пробуждаемых этим городом. Теперь она знала, что каждая эмоция имеет свой запах и вкус, которые были здесь неопишесемы.

Сразу за Елисейскими полями начинается Площадь Согласия, по которой Ирине нравилось прогуливаться. В центре этой площади возвышалась «Игла Клеопатры» – обелиск, весом более 200 тонн и высотой 23 метра, привезенный из Египта. Постамент с нанесенными на него диаграммами иллюстрирует процесс доставки этого подарка французскому народу от египетского правителя Мехмета Али. Площадь была наводнена туристами из разных стран. По ней ходили, держась за руки и целуясь, влюбленные парочки, говорящие на всех языках мира. Дети гонялись за голубями, которые уже научились не бояться людей. Семейные пары, студенты и просто свободные путешественники без багажа и сопровождающих, сидели на ступеньках зданий, окружавших площадь. Эта была удивительная атмосфера свободы и легкости жизни, которая ощущалась здесь особенно остро, так, как ни в одном другом городе мира.

Гулять по городу и его окрестностям Ирине хотелось до бесконечности, но это было невозможно – гастрольный тур имел свои сроки и подчинялся определенному распорядку. Вечером вся театральная элита и представители посольств собирались в одном из театров. Готовясь к вечернему выходу, Ирина волновалась. Понимала, что ничего страшного не случится, но, тем не менее, Париж, воздух которого был пропитан изысканностью и любовью, внушал ей трепет. Впрочем, это волнение она тщательно, как всегда, замаскирует с помощью улыбки и шикарного вечернего платья из бархата цвета спелой вишни.

Вступительная часть длилась довольно долго. Сначала представляли тех, кто, так сказать, стоял у руля в их труппе. Потом перешли к актерам. Большинство из них держались непринужденно и открыто – сказывался опыт. Когда пришла очередь Ирины выходить на сцену, ее сердце выдало такой кульбит в груди, что актриса на долю секунды испугалась, как бы не рухнуть в обморок прямо на глазах у публики. Но, окинув беглым взглядом зал, Мирошниченко поняла, что люди, смотрящие сейчас на нее – это просто мужчины и женщины в красивых нарядах, пресыщенные роскошью и скукой. Они смотрели на актеров так, словно те представляли собой набор двигающихся и разговаривающих кукол, которые только и умеют, что развлекать народ. Ирине так вдруг захотелось выкинуть какую-нибудь пакость, чтобы смыть с лиц гостей сонное и, вместе с тем, заносчивое выражение, что она начала мысленно считать до десяти, чтобы оставаться спокойной.

Главный распорядитель мероприятия, низенький и полный француз с лысеющей головой и маленькими глазками, в которых поблескивала усталость, подойдя к микрофону и показывая на эффектную блондинку, произнес:

– Рад представить вам одну из самых популярных актрис СССР, Ирину Ми... ры-ро-ре-ченко.

Мужчина покраснел от досады за то, что не смог с одного раза произнести фамилию этой актрисы, попутно успев подумать о том, что разве это он виноват, если у русских такие сложные фамилии – конечно, не он, поэтому ему можно быть спокойным.

Но вот Ирине в этот момент было вовсе не до спокойствия, которое улетучивалось тем больше, чем громче аплодировали в зале после такого ее нелепого представления. Какая-то непонятная сила, внутренний голос твердил ей, что нужно исправить положение. Набравшись смелости вперемешку с наглостью, Мирошниченко сказала:

– Я понимаю, что моя фамилия не из самых простых и коротких, – зал, не ожидавший такого выпада, замер в любопытном ожидании, – но сделаю все, чтобы, когда мне посчастливится приехать сюда еще раз, моя фамилия произносилась легко.

Прозвучали оглушительные овации, продолжавшиеся несколько минут. Кое-где даже звучали одобрителные выкрики. Ирина была довольна собой, а коллеги по театру еще больше утвердились во мнении, что Мирошниченко просто выскочка.

Тем не менее, спустя несколько лет, когда актриса приехала в Париж со спектаклем

«Дядя Ваня», ее фамилию произносили с легкостью, как она обещала французам и самой себе. Ей же обещали исполнение желаний и предлагали любовь многие поклонники. А Ирине казалось, что она не готова к новым чувствам и отношениям, но судьба готовила для нее новый поворот, вернее – падение.

Выпасть из самолета летящего в Париж

В нем умещался океан обаяния. И Ирине хотелось тонуть в этом океане. Как только они начали вместе репетировать спектакль, то оба поняли, что похожи на магниты с разными полюсами, которых неизбежно тянет друг к другу. Актрисе нравился этот накал, она не знала, как может быть по-другому. А он, любимец женщин, актер Игорь Васильев, напрочь забыл про толпы поклонниц, осаждавших его у дверей театра каждый день. Обладая аристократической внешностью, он заключал в себе способность к предугадыванию женских желаний. Можно было подумать, что он способен читать мысли. По крайней мере, с Ириной было так. Игорь предвидел любые ее желания, одаривал цветами, приглашал на прогулки, водил в московские ресторанчики.

Обедая в одном из ресторанов, Васильев столкнулся со старым знакомым, которому представил Ирину как свою жену. После недолгого разговора, когда Мирошниченко осталась с Игорем наедине, она спросила:

– Это ты серьезно насчет жены?

– Я всегда серьезен, разве ты не заметила?

– Нет, ты сейчас дурачишься, а я не шучу!

– Так и я не шучу, выходи за меня замуж, – Васильев притянул Ирину к себе.

– Я уже дважды была замужем, и ничего хорошего не вышло.

– А ты знаешь, как говорят – «Бог троицу любит».

– Ты веришь в бога? – Ирина удивилась, религиозность никак не вязалась с образом брутального ловеласа.

– Скорее, я верю в любовь.

Ирина замолчала, он снова оказывался прав. С ним почему-то получалось, что она не была права, и это нисколько не тяготило ее, в этом было нечто особенное, такого не случалось еще ни с одним мужчиной. Ирине было достаточно только взглянуть на него, чтобы они поняли друг друга, чтобы согласие, которое она давала ему прямо сейчас, он прочел по улыбке и увидел в прикосновении руки. Так и было, они идеально чувствовали один другого.

В день премьеры спектакля, в котором они играли влюбленных, оба чувствовали, что волнуются. Хотя и играть то здесь, по сути, ничего было не нужно, ведь они любили друг друга. Несмотря на это, им казалось, что в таких совместных ролях они словно выставляют на показ свои чувства, которые хотелось сберечь от чужих. Теперь все чаще за кулисами судачили, что Мирошниченко заполучила одного из самых красивых актеров в СССР. Такие разговоры даже нравились Ирине, она заслуживала только лучших мужчин, как на сцене, так и в жизни. И сегодня рядом с ней был такой мужчина, державший ее за руку, когда она спала, и разгадывавший каждую мысль прежде, чем она успела возникнуть в ее белокурой головке.

Однажды он заказал огромную корзину цветов: лилии, тюльпаны, розы, ромашки, которую сам принес в квартиру и украсил цветами все комнаты. Ирина ощутила себя как в самом прекрасном саду. В одном из букетов Ирина нашла коробочку, в которой лежало обручальное кольцо. Ирина наконец приняла его предложение.

Игорь безукоризненно исполнял желания Ирины, прося от нее только одного – родить ему ребенка. В тишине ночи, главное волшебство которой заключается в том, что, окунаясь в темноту, люди становятся более искренними, словно снимая с себя многочисленные дневные маски, Васильев шептал Ирине:

– Представь, что у нас с тобой двое детей, мальчик и девочка. Девочка обязательно похожа на тебя, а мальчик на меня, или наоборот, если хочешь. Каждый выходной мы

проводим вместе, путешествуем, гуляем, да мало ли что можно придумать.

– Вот именно, не придумывай, – отзывалась Ирина, – у меня множество ролей, я не могу подвести людей, с которыми работаю.

– Но ведь есть актрисы, которые могут строить карьеру и при этом быть матерями.

– Есть, но они другие, а я должна пользоваться временем, пока молода и хорошо выгляжу. Родить – значит выпасть из привычного ритма жизни на несколько лет, испортить фигуру.

– Я буду любить тебя и с испорченной фигурой, – настаивал Игорь.

– Давай оставим эту тему, – ставила точку Ирина и они оба прекращали эти разговоры, которые Васильев пытался завести еще не один раз на протяжении пяти лет, пока не устал ждать.

А стоило ему устать и придти в отчаянье, как он напивался. Причем так, что уже не был в состоянии дойти до дома. Глаза Игоря затуманивались хмельной пеленой, сквозь которую реальность представлялась в размытом ракурсе, в этом и было главное достоинство алкоголя. Но чем сильнее дурман, тем сложнее потом выбраться из него, тем непригляднее становится реальность, когда глаза, а вместе с ними и душа, смывают себя налипшую грязь пьяных мыслей и образов.

Ирина только один раз видела Васильева таким пьяным. В тот вечер он не сам пришел в их квартиру, его привели, вернее даже сказать, приволокли друзья. Мирошниченко, не привыкшая к таким представлениям, с широко раскрытыми глазами застыла над мужем, что-то лепетавшем в хмельном бреду. Зрелище развалившегося на их постели в верхней одежде мужчины, сопевшего и периодически постанывающего, с всклокоченными на голове волосами, внушало Ирине отвращение. Также бездейственно, как в этот момент, актриса будет наблюдать вскоре и то, как медленно, но неуклонно растрчивает драгоценные дни жизни ее брат, топя их в алкоголе с такой же легкостью, как дворовые мальчишки топят бумажные кораблики в ручейках и лужицах, играя в морской бой. Мирошниченко ничего не сможет сделать, потому что воля брата не принадлежала ей, все зависело только от него, и они оба это понимали.

В этот же вечер Ирина с трудом могла понять, что происходит. Стаскивая с почти спящего мужа ботинки, она услышит его бессвязные слова: «Я от тебя уйду», при этом он слабо качнет рукой, видимо желая изобразить жест, обозначающий «я так решил и точка». Тогда она не придавала его словам значения, но Васильев действительно поставил точку. На следующий день, когда Ирина вернулась со съемок фильма, в квартире уже не было его вещей. Он не оставил даже записки, просто ушел.

Его уход актриса переживала тяжело. Дом теперь казался пустым и заброшенным, будто этих пяти лет совместной жизни как не бывало. Быть оставленной мужчиной для нее значило то же, что быть выброшенной из самолета, летящего на полном ходу в Париж. С одной стороны ты чувствуешь свободу от полета, с другой стороны разочарование от того, что путь в город любви прервался и теперь неизвестно, когда и как ты до него доберешься. Особенно этот полет был рискованным из-за страха того, что парашют не раскроется. Но парашют у нее был – работа, оказавшаяся для нее единственным спасением, в которую она ушла с головой. Только ей она без страха посвящала себя полностью, не боясь того, что будет преданной и покинутой. После третьего неудачно закончившегося замужества, Ирина пообещала себе, что больше не выйдет замуж никогда, и сдержала данное себе слово. Иногда она позволяла себе заводить романы, которые ни к чему не обязывали и не привязывали к семье. Настоящая женщина не может жить без любви, потому что просто увянет, а Ирине нужно было любить, чувствовать жизнь, она не могла иначе. Сплетники и завистники будут приписывать ей множество романов, половина из которых неправда, но актриса не будет принимать все эти разговоры близко к сердцу – если о ней говорят, значит, пусть будет так, нужно же чем-то развлекаться, когда нет больше других интересов.

Интерес Ирины к судьбе Васильева с годами не померк, они до конца его жизни сохраняли теплые отношения. Актриса знала, что Игорь ушел к другой женщине, пытаясь

начать все сначала, но детей у них тоже не было. Спустя много лет Мирошниченко будет с грустью вспоминать об этом последнем своем браке, приходиться к осознанию того, что нужно было воспользоваться шансом родить ребенка, прислушаться к мужчине, который так любил ее. Но сердце Ирины прочно завоевал сначала театр, а потом и кино. Им она была и остается верна, и это взаимно. Сердце этой женщины может и должно принадлежать только искусству.

Кончаловский на заднем сиденье

– Сядьте за рояль, – командовал мужчина в изящных очках, сквозь которые пробивался взгляд-улыбка, глаза этого человека словно улыбались, даже когда он был серьезным. Мирошниченко послушно села. Режиссер, которым был Андрей Кончаловский, восторженно воскликнул:

– Вот оно! Я нашел, наконец, Серебрякову! Ирина, вы утверждены на роль.

Актриса поднялась и улыбнулась:

– Спасибо, Андрей Сергеевич. Мне будет интересно играть в фильме «Дядя Ваня».

– Давай на «ты», хорошо? А то стариком себя чувствую, мы ведь с тобой почти ровесники, – Кончаловский подмигнул, он вообще очень легок на общение. Ирина согласилась. С этого момента у них завязались не только рабочие, но и дружеские отношения.

А вот отношение многих коллег режиссера после премьеры фильма к Ирине было не столь дружелюбным. Однажды она услышала разговор Андрея с другим режиссером:

– Мирошниченко слабовата для этой роли, все это видят.

– Каждый видит то, что хочет. Зато она единственная, кто не выглядит за роялем смешно, – Кончаловский сказал это тоном, не допускающим возражений. Ирине это понравилось. Вместе с этим режиссером она раскрыла большую глубину в образе Елены Серебряковой, превратив эту второстепенную героиню в одну из главных. Благодаря ему Мирошниченко посчастливилось поработать с такими именитыми актерами как Смоктуновский, Бондарчук, Зельдин, Купченко. Созвездие таких личностей просто не могло оказаться незамеченным – фильм был награжден массой международных призов. Кончаловский конечно же решил отметить такой успех. Насколько усердно он работал, настолько же широко любил и отдыхать. Решили собраться на даче Андрея. Гостей встречала его мама Наталья Петровна с таким же взглядом, как у сына, всегда улыбающимся. Она была как генерал, командовала подготовкой к импровизированному банкету, готовила и рассаживала пришедших. Ирина вызвалась помочь на кухне:

– Я предлагаю испечь пироги по нашему семейному рецепту. Готовить совсем недолго и ингредиентов нужно не так много.

Наталья Петровна просияла:

– Что ж, давай удивляй, вверяю тебе духовку.

– Долго мне пришлось повозиться с рецептом, чтобы мои пирожки получились на вкус такие же, как мамины. Знаете, путем проб и ошибок искала нужное сочетание.

– А почему у мамы сразу не спросила? – женщина удивленно посмотрела на Ирину.

– Мне нравится самой экспериментировать, искать. Зато потом так приятно, когда получается.

– Да, что-то в этом есть. Готовить – это творчество, искусство. Если ты в плохом настроении, то лучше и близко не подходить к продуктам.

Правильно, – Ирина слегка обняла Наталью Петровну за плечи, – Так, мне нужно полкило муки, несколько яиц, желток, столовая ложка сахара с чайной ложкой соли и половиной стакана сметаны. Еще будет яблочная начинка, которую сделаем из чайной ложки лимонного сока, стакана сахара, примерно полкило грамм яблок и четверти стакана корицы.

Пока Ирина перечисляла, Наталья Петровна уже доставала нужные ингредиенты.

Сначала женщины растопили сливочное масло в керамической посуде на водяной бане. В муку влили яйца с растопленным маслом и сметаной, добавив соль, сахар и соду.

– Теперь тесто замешиваем и ставим на полчаса в холодильник. А пока займемся начинкой, – подсказывала Ирина. Она помыла яблоки, почистила от кожуры и вырезала сердцевину, а Наталья Петровна нарезала их дольками. Нарезанные яблоки в сочетании с сахаром, лимонным соком и корицей поместили в кастрюлю. Все это нужно потушить на небольшом огне, одновременно помешивая примерно четверть часа.

– Ну вот, пока готовили начинку, и тесто отстоялось, – Наталья Петровна достала основу для пирога из холодильника.

– Давайте я пока раскатаю его и вырежу круг, а остатки теста мы используем как полоски, которыми сверху украсим пирог.

– Ну что, хозяйничаете? – на кухню заглянул Гоша Рерберг, их оператор.

– Хозяйничаем, а вы нам не мешайте, – Ирина шутливо погрозила Гоше, – а то сейчас мукой закидаю!

Наталья Петровна рассмеялась, а оператор поспешил скрыться за дверью, притворно пугливым тоном приговаривая: «Ох, уже страшно!». Вообще в их компании было весело, и Мирошниченко упивалась ощущением легкости. Приготовление пирога продолжилось – на тесто выложили начинку, заворачивая края круга, чтобы она не выпала, а из полосок теста сделали решетку, которую смазали яичным желтком.

– Осталось отправить пирог в разогретую до 200 градусов духовку и через 40 минут он будет готов, – Ирина встряхнула с ладоней муку, умудрившись запачкать при этом свой нос и щеки.

– Иришка, ты как снегурочка теперь! – Наталья Петровна покачала со смехом головой. Мирошниченко заглянула в зеркало и расхохоталась, она была похожа на маленькую девочку, совсем как в детстве, когда она помогала маме на кухне и была такая же чумазая. Обе женщины привели себя в порядок и присоединились к гостям.

За столом звучали шутки и тосты, Кончаловский шутил, был заводилой компании. Все немного выпивали, а Мирошниченко наблюдала, как Андрей и Гоша, которые вместе с ней должны были после застолья возвращаться в центр Москвы, хмелеют все больше. Наконец Кончаловский вышел из-за стола и велел собираться. Запихнув Ирину на заднее сиденье, где сидело еще несколько человек, режиссер сел за руль своей «Волги», рядом сидел Рерберг. Ирина возразила: «Как же мы поедем?». Андрей, немного заплетающимся языком проговорил: «Не волнуйся! Долетим быстрее ветра». И они действительно почти летели, Режиссер гнал по дороге на большой скорости, а у Ирины все внутри переворачивалось от страха. Наконец она не выдержала:

– Меня уже укачивает, – на слова никакой реакции, – мне страшно, мы едем слишком быстро!

Кончаловский обернулся:

– Так, хватит там пищать! Если боишься, то сама садись за руль и веди машину. Ну что, слабо?

– Не слабо! – с вызовом ответила Ирина.

– Вот и вези, если такая трезвая и уверенная.

Мирошниченко вышла из машины и поменялась местами с Андреем. Вцепившись в руль, она медленно поехала. Они ехали по правительственной трассе, где почти через каждые сто метров стоят сотрудники ДПС. Кончаловский, сидевший на заднем сидении весело что-то рассказывал, а оператор почти спал и, кажется, никого не волновал тот факт, что Ирина ведет машину без прав и документов. Спасла аккуратность вождения Мирошниченко, их машину не остановили. Актриса сосредоточилась на дороге, а Кончаловский подначивал: «Добавь газу, сейчас в гору поедем, и ты на такой скорости заглохнешь». Потом режиссер обратился к оператору: «Гош, поддай!». И тут Рерберг, дремавший до этого, со всей силы наступил на стоявшую на педали газа ногу Ирины. Актриса охнула, а машина понеслась на скорости вверх по дороге. Ирина успела подумать: «Господи, только бы не разбиться!». Скорость становилась все больше, и она кричала оператору со страхом в голосе: «Хватит! Я сама, сама!». Мужчина проигнорировал просьбу

Ирины. Тогда, поддавшись панике, актриса с размаху ударила оператора локтем по колену, повторив: «Прекратите!». Гоша убрал ногу с педали и актриса снова поехала тихим ходом. Так и добрались до Москвы.

– Ну, ты молодец! – с дружелюбным смехом, вылезая из машины, произнес Кончаловский.

– А мне было спокойно. Медленно только, а мне так непривычно! – промямлил совсем захмелевший Рерберг.

Распрощались, и уже сидя в такси, Ирина почувствовала, как ее руки обмякли от долгого напряжения. Она только сейчас поняла, как рисковала, ведь с ней рядом сидели такие известные люди, а что было бы, если бы она разбила машину? Если бы они попали в аварию, и она своими руками сгубила бы их всех? «Ужас, даже подумать страшно» – Ирина встряхнула головой, прогоняя эти мысли. Все закончилось хорошо и, слава Богу. Но водить Ирине все же понравилось, причем, она никогда не смотрела на погоду – не важно, слякоть, гололед или метель, – актриса всегда водила сама. Спустя десять лет эта самостоятельность чуть не стоила ей жизни. Пока же жизнь преподносила актрисе жемчужные роли и встречи.

Разведчица

Жемчужину Черного моря Ирина полюбила с первого прикосновения в 1970 году к горячему песку на пляже. В Одессе у моря был особенный взгляд – иссиня-зеленый, оно смотрело прямо тебе в душу и успокаивало. Но сейчас было не до покоя. Актриса снималась в фильме Антона Тимонишина «Их знали только в лицо». Мирошниченко должна исполнить роль разведчицы Галины Ортынской. Эта роль поддалась Ирине не с первого раза, но дубль за дублем, она проникалась образом героической девушки, терпевшей издевательства и многочасовые допросы в гестапо. В качестве помещения, где должна была располагаться тайная государственная полиция, решили выбрать местную филармонию.

Зеваки каждый день собирались у филармонии, чтобы посмотреть, как снимают кино про разведчиков. В кино было несколько жестоких сцен, во время которых Ирина вспомнила, что само название города Одесса по одной из легенд связано с жесткими мерами. Дело в том, что сначала город называли Хаджибей и местные жители никак не могли запомнить новое название. Тогда власти приняли строгие меры. Крестьян, которые въезжали в город через городские заставы, поставленные там казаки спрашивали, куда приезжие держат путь. Если человек называл город Хаджибаем, то его арестовывали и подвергали порке. Такой метод, как ни странно, оказался очень действенным. Да, насильственные методы можно использовать по-разному, все зависит от того, в чьих руках эта сила. Хотя, на самом деле, настоящая сила заключается не в умении причинять боль, а в мужестве быть добрым и отзывчивым вопреки обстоятельствам. В этом актрису еще раз убедил небольшой случай, произошедший на площадке.

За процессом, в числе других зрителей наблюдала старенькая женщина в беленьком платочке, такая настоящая русская бабушка. Когда она увидела, как загримированную Ирину с синяками и в оборванной местами одежде ведут «гестаповцы», не выдержала, подбежала и подала актрисе какие-то вещи. При этом приговаривала «Вот, милая, одежду тебе принесла, чтоб теплее было». Режиссер прервал съемки, а старушку вывели со съемочной площадки. Но Ирина была настолько растрогана этой доверчивостью старой женщины, что несколько часов ходила под впечатлением. Значит, в ее экранные образы действительно верят, а что может быть ценнее для актера?

В Ирину верили не только зрители, но и многие режиссеры. Причем видели первое время в ней исключительно разведчиц. Мама говорила на это: «Значит, в тебе видят силу, которая и должна быть в советской женщине». И Мирошниченко соглашалась с этим, ведь она и правда была сильной, особенно если дело касалось работы.

Следующей шпионской историей Ирины стал фильм «Ошибка резидента», режиссером которой был Вениамин Дорман. Детектив с налетом психологизма рассказывает о разведчице Тульеве. Фильм состоял из нескольких серий, и работать приходилось целый

день. Во время съемок чуть не случился пожар, когда одна из костюмерш оставила включенным утюг. Банальная рассеянность чуть не закончилась трагедией. Если бы вовремя не почувствовали странный запах жженой кожи, то последствия могли бы быть весьма плачевными.

Хорошо, что Ирина всегда умела владеть собой в критических ситуациях. Однажды на лайнере во время ее путешествия с мужем произошел пожар. Люди бегали в панике, сбивали друг друга с ног, суетились и кричали. Ирина же вышла на палубу с уже собранными вещами первой необходимости, которые они с мужем привязали к шее в целлофановом пакете. Огонь, конечно, смогли потушить вместе с командой лайнера, и все закончилось хорошо. Но, кто знает, что было бы, если бы Ирина тогда не взяла себя в руки и не начала действовать собранно?

Может быть, именно эту черту характера заметил и еще один режиссер Леонид Квинихидзе, пригласивший Мирошниченко на роль разведчицы в свой фильм «Миссия в кабуле». Съемки проходили в Афганистане среди горных пейзажей. Стояла невероятная жара, казалось, что сама земля сейчас расплавится. Пар, шедший от нее, был как дыхание, горячее и неровное. Пульс земли зашкаливал. Зашкаливали и эмоции на съемочной площадке. Напряженность сюжета передавалась актерам. Одна из актрис фильма после многочасовых съемок получила солнечный удар.

После съемочного дня Ирине предложили посмотреть окрестности. На машине она и несколько ребят из команды с местным жителем поехали в одно из горных селений. У самой линии горизонта возвышались горы, напоминая величественных и молчаливых стражей, держащих на своих вершинах облака. Солнечные блики мерцали на снежных горных вершинах, Дыхание от вида такой красоты замедлялось.

Ирина заметила над горными вершинами парящего орла. Он был настолько величественен и спокоен в своем полете, что казался королем неба. Актриса понимала эту птицу, потому что в детстве жила рядом с птенцом орла. Его принес из леса Рудик. Оказалось, что маму птенца убили охотники, а птенец, оставшись один, выпал из гнезда. Он был настолько слабый, незащитный, что нельзя было пройти мимо. Тогда дети в один голос упрашивали маму оставить орленка:

– Смотри, у него крыло сломано. Он не сможет выжить в дикой природе – настаивал старший брат.

– А мы его подлечим, и потом он сможет улететь, – поддакивала Ирина.

Мама согласилась. Прозвали орленка Пинькой. Пока их новый питомец ходил по двору с забинтованным крылом, куриц и других птиц совершенно не боялся, ходил за ними хвостиком. В один из дней подросшая птица смогла взлететь, описав полный круг над двором. В какой-то момент показалось, что орел совсем улетел. Ирина расстроилась. Бегала на гору за домом, где собирались все птицы, чтобы посмотреть, вернулся ли Пинька. И, наконец, после многочасового ожидания, девочка увидела, как орел возвращается. Приземляясь, он начал издавать интересный крик, наподобие «пинь, пинь, пинь». От этого крика и появилось имя птицы. Он был очень своеобразный во всем, даже ходил в туалет как бы выстреливая, поэтому частенько попадало или людям, или животным, которые стояли позади орленка. Наверно все орлы не такие, как остальные птицы. Такой же особенный был и этот орел, влюбленный в горы Афганистана.

Дорога, по которой ехала Ирина вместе с сопровождающими, вилась серпантинной лентой, поднимаясь все круче и выше. Наконец они добрались до горной площадки и остановились. Здесь было решено устроить нечто вроде пикника. Это было потрясающе – сидеть на ладонях гор в окружении волн неба. Местный житель, сопровождавший их, устроился рядом с Ириной. Его взгляд был слегка прищурен от солнца, он о чем-то сосредоточенно думал. Мирошниченко любовалась видами, которые были похожи на сказочные картины из какого-то сна, казалось, что такой красоты в жизни быть не может. Потом актриса спросила:

– Я слышала, что в горах Гиндукуш создали природный комплекс, состоящий из шести

озер бирюзового цвета. Это правда, что все они расположены на высоте в три тысячи метров?

– Правда, – ответил по-прежнему шутившийся мужчина, – Только туристы там не так часто появляются, потому что нет нормальных дорог и можно наткнуться на минные участки.

Ирина смотрела на собеседника с недоумением:

– И даже не известно, где располагаются эти мины?

– Примерно известно. Можно сходить на маленький базар около озера Банде-Хайбат.

– А как же вы все время живете в практически не прекращающейся войне?

– Привыкли, знаете ли, – мужчина сплюнул, словно пытаясь извлечь из себя что-то нехорошее, вызванное Ирининым вопросом, – привыкаешь ко всему. Однажды смерть и гибель становятся таким же обычным делом, как высота, а ведь для гор высота все равно, что крылья для птиц. Такой и смерть становится, перестаешь воспринимать ее как трагедию. К ней даже начинает тянуть, как к высоте.

Актрисе показались дикими эти слова. Она даже внутренне порадовалась, что живет в СССР, где сейчас все спокойно. Но в 1979 году Советский Союз будет повязан с Афганистаном не только договором об оказании военной помощи, но и невидимой нитью смерти. Тогда она поймет смысл рассуждений этого человека, он окажется прав. Но здесь, на высоте существовало только одно право – право быть свободным и Ирина им наслаждалась.

Уже вечером, сидя под навесом с командой съемочной группы, актриса ощутила чувство страха. Неожиданно земля под ногами начала вибрировать, как будто внутри нее шел ток. Несколько чашек, стоявших на импровизированном столике, задребезжали, стучаясь друг о друга. Теперь Ирина поняла, какой звук издает растерянность – это звон чашек. Все, кто были рядом с актрисой, повскакивали на ноги. Их застало врасплох землетрясение. Оно продолжалось несколько минут, и было не самым мощным, но этого актрисе хватило, чтобы почувствовать силу природной стихии, перед которой они все были, по сути, бессильны. Ирина подумала, что на самом деле земля, природа и есть настоящая разведчица, которая скрывает столько тайн, что, наверное, жизни не хватит, чтобы их разгадать. Только стихия способна открывать настоящие лица людей, ввергая их в состояние оцепенения. Но Мирошниченко была не из пугливых. Сегодня она встретила равную себе соперницу, такую же, как и она сама, разведчицу, которой неведома паника.

Мэрилин Монро и сумасшедший

«Националь» был полон самыми разными людьми. Ирина не часто здесь обедала, но сейчас вырвалась со съемок и забежала перекусить. Пока она ждала, чтобы ей принесли заказ, за окном гудела Москва. Ее кипучий, стремительный ритм жизни был близок Мирошниченко, она словно бежит всю жизнь с ним наперегонки. И выигрывает.

– Ваш заказ, – прервал мысли актрисы вежливый голос официанта, который стоял, чуть склонившись, и одновременно расставлял блюда на столе. Ирина улыбнулась. Но она не успела съесть несколько ложек, как почувствовала на себе чей-то сосредоточенный взгляд – на такие вещи у нее всегда было чутье. Но понять, кто смотрит на нее, она так и не смогла.

До следующего утра Ирину не покидало странное предчувствие каких-то перемен. О переменах возвестил телефонный звонок. Мягкий женский голос спросил:

– Могу я услышать Ирину Мирошниченко?

– Это я.

– Вас ждут сегодня на пробы фильма «Андрей Рублев» в Мосфильме. Приходите к 12 часам, – девушка положила трубку, коротко попрощавшись, так что Ирина не успела проронить ни слова. Она была растеряна, но на встречу пришла вовремя, подталкиваемая интригой.

В павильоне Мосфильма Ирина увидела темноволосого мужчину среднего роста. Его взгляд был удивительно пытлив – цепляя каждую деталь вокруг, он не упускал сути. Черные густые усы придавали ему серьезности и лет. Она только сейчас узнала в нем режиссера

Андрея Тарковского, а он уже позже разглядел в ней Марию Магдалину. Именно его взгляд почувствовала на себе вчера Мирошниченко. Именно благодаря этим цепким глазам режиссера, выхватившим ее из толпы людей, она сможет передать в картине «Андрей Рублев» трагизм образа Магдалины, всю глубину отчаянья, которое постигло эту женщину. Роль была небольшой, но Ирина вложила в нее все свои силы, чтобы передать катастрофу, которую предчувствовала Мария. После премьеры фильма многие отметили, что Ирина обладает библейским типом лица. Ирине это льстило, но она не хотела останавливаться на достигнутом. Ей нравилось работать с Тарковским, которым она всегда будет восхищаться.

Команда Андрея Тарковского вместе с Ириной переезжала на машине между несколькими городами в поисках удачного места для съемок. Осень в своем закате была молчалива и дышала холодом. В пригородных районах уже лежал снег, напоминая чистый белый лист, на котором прямо сейчас Бог напишет историю чьей-то жизни, любви или смерти. Эта белизна была настолько непривычна после городских пейзажей в серых тонах, что резало глаза. Тарковский, ехавший в этой же машине, молчавший до этого, неожиданно произнес: «Вы только посмотрите! Этот пейзаж будто сошел с картин Брейгеля, теперь я понимаю, как он писал свои картины». Ирина тогда изумилась, как тонко он подметил и эти маленькие домики, и людей, готовых того и гляди пуститься кататься на санях по снегу. Такие, обычные на первый взгляд, вещи режиссер пропустил через призму живописи. Он обожал Брейгеля, об этом знали все и после окончания съемок, режиссеру подарили дефицитную по тем временам книгу с работами именитого художника «Изобразительное искусство». Тарковский радовался, словно ребенок, держа в руках толстенную книгу. Может быть, именно у этого человека Ирина училась радоваться простым вещам и замечать то, что не сразу открывается сердцу.

Сердце Ирины трепетало в груди, как маленький воробей. Оно повиновалось судьбе, летая из страны в страну, из города в город, переполняясь до самого края невыразимым счастьем и новыми впечатлениями. На этот раз Ирина должна была лететь сначала в Люксембург, потом ее ждал Брюссель. В этих городах проходила Неделя советского кино, где она представляла свои совместные работы с Тарковским: «Андрей Рублев» и «Дядя Ваня». С самого начала заграничная публика приняла актрису хорошо. Ее сразу окрестили советской Мэрилин Монро, на что сама Мирошниченко реагировала не очень радостно. Когда в один из фестивальных вечеров Ирина ужинала с коллегами-актерами в банкетном зале, кто-то в шутку окликнул ее этим именем. Как только Мирошниченко услышала эти слова, на ее лице появился испуг.

– Чего ты так испугалась? – удивленно спросила одна из женщин, сидевших рядом. Ирина неловко ответила:

– Но разве можно в нашу страну с таким прозвищем? Меня могут потом вообще больше не выпустить за границу.

– Иришка, ты что? Да каждая женщина мечтает, чтобы ее сравнивали с Монро. Это наоборот комплимент, – собеседница произнесла последнюю фразу таким внушительным тоном, будто это было самым почетным и важным событием, которое только может случиться с советской женщиной. Ирина успокоилась. Такое сравнение подойдет не каждой актрисе. Впрочем, сравнивать Мирошниченко умела всегда с особым искусством. Она считала, что пока человек способен сравнивать, он не теряет и способность и искать что-то особенное в окружающем, открывать изюминку, проникать в новый смысл. Это относилось не только к людям или ролям, но и городам.

Брюссель, который в буквальном переводе называется «селением на болоте», некоторыми своими чертами напоминал Францию. Например, кольцевая магистраль этого города, к которой сходятся дороги со всех остальных направлений, была похожа на парижский бульвар Переферик.

Одна из дорог, словно лента, выпавшая из венка-магистрали, вела в самое сердце города – площадь Гран-плас. Ее окружают многовековые дома с самыми необычными названиями, такими как «Тележка», «Дуб», «Волчица», «Лисенок». А в «Доме короля»

никогда не жили короли или хотя бы какие-то знатные особы, это строение в разные годы сначала использовали под склад пекари, потом оно было превращено в трибунал и тюрьму. Вся площадь буквально дышит готикой. Ирине этот стиль казался каким-то тяжелым, не поддающимся разгадке.

Больше всего Мирошниченко поразил вид, открывшийся с горы Искусств. Такое название казалось очень символичным, находясь на ее вершине Мирошниченко ощущала себя почти королевой, способной дотянуться до солнца. Она знала, что солнце всегда одно, одинаковое повсюду, какой бы город не встретил ее.

Тот же теплый солнечный свет, окутывающий Брюссель, вдыхал и Люксембург. Эти города разные, но дышат одним солнцем. Люксембургские башни «Три желудя», словно стражи стояли у самого края обрыва на скалистой площадке. Как только Ирина узнала об этой достопримечательности, то решила, что обязательно должна там побывать. Поздно вечером, когда закончились официальные мероприятия, она тайком от всех поймала машину и поехала к тому месту. Залезть на высоту было не так-то просто, развалины, оставшиеся от крепости, иногда преграждали дорогу. Но Ирина не сдавалась. Наконец дойдя до заветного места, она окинула взглядом открывшееся перед ней пространство: сотни электрических огоньков в домах и на улицах Люксембурга сверкали как сотни маленьких свечей на руках ночи. Взглянув вниз с этой высоты, Ирина зажмурилась от неожиданности. Перед ней раскрыла свои объятия бездна. Казалось, что еще полшага вперед – и сорвешься. Актриса застыла от этого пугающего и одновременно завораживающего зрелища. Картина дополнилась внезапным шуршанием позади. Ирина резко обернулась – в тени развалин крепости мелькал силуэт человека. Приглядевшись получше, она поняла, что это мужчина. Он, не замечая Ирину, сел в тени одной из башен и начал петь. Для Мирошниченко это было так неожиданно, что она чуть не упала. Песня звучала на французском языке, поэтому актриса понимала слова. Это была грустная история о любви – молодая девушка полюбила мужчину, который обладал большим богатством и известностью, она же была бедна. Между ними стояла пропасть, но они все же встретились, и их чувство страсти оказалось взаимным. Молодой человек, очарованный ее неземным голосом и песнями, вопреки воле родителей, женился на бедной девушке. Они были счастливы, она пела для него свои песни, а мужчина исполнял любое желание своей феи. Но вскоре девушке показалось мало одной любви, и она захотела стать знаменитой. Ее возлюбленный исполнил и эту просьбу, еще не зная, что своими руками впустил в свой дом беду. Девушка, благодаря своему удивительному голосу стала любимицей публики, путешествовала, дарила свои песни людям, получая взамен аплодисменты и восторг. Все меньше места занимал в жизни певицы любимый. А однажды она призналась ему, что больше не хочет быть с ним, потому что ее ждет слава. Ирина слушала и в глубине души понимала, что эта песня о ней. Но она не успела погрузиться в эти мысли, потому что наблюдала за мужчиной, исполнявшим эту песню. Внезапно он подошел к самому краю каменной площадки, раскинул руки и... полетел вниз. Все слова застряли в горле, актриса даже не успела ничего сказать. Случившееся привело ее в шок. С минуту она стояла как замороженная, а потом разрыдалась. Что это был за человек? Может быть, он сумасшедший? Почему он это сделал? Вопросы были неисчерпаемы и непонятны. Ирина боялась посмотреть вниз, чтобы увидеть, что стало с тем мужчиной. На ватных ногах она спустилась вниз и больше никогда сюда не возвращалась. Но это воспоминание иногда приходило в снах и тогда актриса спрашивала себя – может быть она тоже, как тот человек, срывается в пропасть, только ее сумасшествие заключается не в любви, а в сцене?

Авария

Сцена, сцена. Иногда даже она не давала ответ на вопрос, что будет дальше. Ирина уже не знала, ждет ли чего-то от этого нового 1980 года. Актриса встретила его разведенной, вернее, свободной женщиной. Недавно разошлась с Игорем Васильевым и снова ушла с головой в работу. Думать о новых романах не хотелось, все силы, всю себя она отдавала кино и театру. Театр был ее единственным мужчиной, которого ей суждено любить всю

жизнь, Ирина это чувствует, потому что сама выбирает такой путь и счастлива этим. Да, счастлива. Из зеркала на нее смотрит стройная блондинка с пленительным взглядом и завораживающей таинственностью улыбкой. Мягкие локоны волнами спадают на плечи, черное вечернее платье подчеркивает пышные формы, Ирина словно сошла с самой вершины Олимпа и была похожа на богиню.

«Так, чего-то не хватает» – подумала женщина, разглядывая свой образ в зеркале. Да, так и есть – не хватало золотого крестика на тонкой цепочке. Он придаст ей изящества. Еще раз повернувшись перед зеркалом, чтобы разглядеть себя со всех сторон, Ирина полюбовалась на необычный капюшон из черного шелка на своем платье – он смотрелся необычно и даже как-то вызывающе. Впрочем, Ирине нравилось быть вызывающей и шокирующей. Такого платья, как у нее, больше нет ни у одной женщины в Советском Союзе. Но не только платьями, единственными в своем роде, нравилось обладать Мирошниченко. Она добилась, чтобы ей дали разрешение на ввоз в страну иномарки, которую теперь актриса водила с большим удовольствием. Ирина помнит, какой испытывала восторг, когда еще, будучи маленькой девочкой, каталась на машине старшего брата. Сидя рядом с ним на пассажирском сиденье она мечтала, как однажды также будет сама управлять этой непонятной техникой, подчиняя себе всю ее мощь. Ирине нравилось чувствовать скорость, ветер, свободу. Лента дороги, мелькавшая под колесами машины, завораживала девочку кажущейся бесконечностью и загадочностью, потому что неизвестно, куда приведет эта дорога и долгой ли она будет. Ирина обгонит ветер, подчинит себе дорогу – для нее она не останется неизвестной, потому что Мирошниченко всегда будет знать, куда должна придти в конце пути.

И сегодня она тоже знала, куда отправиться в путь, чтобы провести время в хорошей компании друзей. Они пригласили ее встретить вместе старый Новый Год. Ирина всегда умела веселиться, обладая врожденным чувством юмора, приносила с собой легкость и простоту, разряжала атмосферу. А лучше всего сказать, заряжала ее радостью, именно поэтому была завсегдатаем вечеринок и просто дружеских посиделок.

Накинув легкую шубку из белоснежного меха, Ирина, довольная своим видом, спустилась к авто, стоявшему у подъезда. Ощувив приятную гладкость молочного цвета кожи салона машины, Мирошниченко повернула ключ зажигания и тронулась с места. Можно было подумать, что машина скользит, дополняя снежные пейзажи Москвы. Хлопья снега медленно оседали вокруг, стремясь поближе подлететь к свету уличных фонарей, которые уже были зажжены, чтобы согреться. Им было невдомек, что этот свет способен сжечь их, растопить навсегда. Чем ближе подлетаешь к свету солнца, тем сильнее оно обжигает. Наблюдая за кружением снежинок, Ирина подумала: «Это похоже на стремление к славе – если ее слишком много, то можно сгореть в ней». Но Ирина не собиралась сгорать, ее призвание в сцене, в зрителях, она живет ради них.

Красный сигнал светофора остановил ее мысли, она резко затормозила. Эта неожиданное торможение оказалась роковым – актриса почувствовала удар авто, ехавшего позади. Удар сменился острой болью во всем теле и сгустившимся вокруг мраком. Больше не было ничего.

Глаза Ирина смогла открыть с трудом. Казалось, что веки склеены темнотой и пустотой, в которой звучит только одно – боль. Раньше она не задумывалась о том, что у боли может быть цвет, а сейчас поняла – у нее ярко-красный, горячий, обжигающий цвет. Он заполнил огнем тело женщины и растекался повсюду. Откуда же пришла боль? Кто ее создал? Где ее источник? Пытаясь пошевелиться, Ирина поняла, что все эти тяжелые ощущения сконцентрировались в ее спине. С трудом раскрыв глаза, актриса увидела у подножия кровати группу врачей, что-то тихо обсуждавших. Сосредоточенные лица спасителей в белых халатах внушали Ирине какой-то неясный трепет. Она всегда считала их сродни богам, в руках которых сосредоточена человеческая жизнь. Увы, это было только иллюзией.

Один из врачей заметил, что пациентка открыла глаза, и подошел к ней. Его голубые

глаза излучали глубокое знание того, что неизвестно другим. Словно скрывали тайну, которая в то же время соседствовала с удивительным внутренним покоем.

– Что со мной? Я смогу выходить на сцену? – первое, что спросила Ирина.

– Думаю, нам лучше поговорить о вашей работе позже. Вам сейчас нужен отдых, – доктор успокаивающе дотронулся до руки Мирошниченко.

– Я не верю ни в какие позже, скажите мне сейчас, что случилось?

Врачи переглянулись между собой, будто взглядами советуясь друг с другом о том, как сообщить новость известной артистке. Наконец врач, в глубине голубых глаз которого таилось соединенное с покоем знание, произнес: «У вас тяжелая травма позвоночника. Вам придется на время забыть о карьере».

Слова, сказанные доктором, не сразу дошли до Ириного сознания. Она словно падала с огромной высоты в бездну. Голова резко закружилась, в затылке вспыхнула боль. Нет, она не имеет права потерять все, что у нее есть. Она не имеет права сдать перед болезнью и отступить.

И Ирина не отступит, спустя три месяца встанет на ноги, вернется к обычному ритму жизни. Но кто знает, чего ей это стоило? Сколько слез она пролила бессонными ночами, размышляя о случившемся. Ей было под 40, а семьи так и не получилось. Она была совершенно одна. Соседок, с которыми она лежала в одной палате, навещали мужа, дети, а у нее была только мама. Самый близкий и преданный человек, придававший ей силы для борьбы с болезнью.

Но иногда сил не хватало. Тогда Ирина отворачивалась лицом к батарее, на которой вечно сушились истертые мокрые полотенца, и беззвучно плакала. Казалось, что ее жизнь превратилась в такую же вытертую тряпку, которую кто-то только что безжалостно выжал и оставил вот так вот висеть, никому не нужную и забытую. В такие минуты хотелось закрыть глаза и больше не открывать.

Внутренний голос шептал Ирине, что все произошедшее не случайно, что нечто неведомое подводит ее к переменам, на которые она должна решиться. Ведь еще не поздно создать семью, родить ребенка, стать матерью. Обрести новый смысл жизни. Но Ирину что-то останавливало. Останавливали письма поклонников, зрителей, восхищавшихся ее актерской игрой. Она не представляла, как спустится с этой высоты и окажется в числе обычных домохозяек, посвятивших себя детям и мужу. Нет, это было невозможно. Ирина знала, на какие жертвы пошла ее мать, чтобы обеспечить ей счастливое детство, как жила с уже не любимым мужем, Ирининым отцом. Актриса никогда не забудет, как однажды мама приехала навестить Ирину, тогда десятилетнюю девочку, в летний лагерь и призналась, что расходится с папой. Как же горько было ей тогда от этих слов. Невозможно было представить, чтобы папа ушел. Несколько ночей проведя без сна, девочка тогда молилась, чтобы папа остался. Она, конечно, не могла еще понять многое в жизни, но просто верила, что так должно быть. Так и случилось, папа остался в семье, и только когда Ирина повзрослела, ушел к другой женщине. Теперь Ирина не любит говорить о нем, для нее он так и остался тем папой, из далекого детства, которого она ждала с работы, сидя на скамейке Тверского бульвара, а потом как сумасшедшая мчалась ему навстречу. Папа поднимал ее на руки и кружил, кружил... деревья, небо, скамейки, люди сливались в одном чувстве – чувстве свободы и безграничного детского счастья.

Теперь все Ириного счастье сосредоточилось в работе, в карьере. Пока она не готова отдавать себя чему-то другому, кроме театра и кино. Она хочет подчинить себе время, а это возможно, только если записать свое имя в его дневниках. И она выводит «Ирина Мирошниченко» золотыми буквами так, чтобы ни один ластик забвения не смог стереть это имя.

Стихия, чувствующая боль

Дунай в ноябре встречает холодом. Почти каждый день случаются шторма. В такие минуты со всей полнотой ощущаешь мощь природной стихии. Волны иногда достигают

тридцати метров в высоту, кажется, что они пытаются дотянуться до неба, чтобы на той высоте слиться с небом в один поток и затопить собой весь мир. Ведь что такое, в сущности, небо? Это то же море, только оказавшееся во власти притяжения к солнцу. Должно быть, однажды часть моря безумно влюбилась в солнце и, захотев остаться с ним навсегда, превратилось в небо. А однажды полюбив это небесное светило, уже невозможно было разлюбить его, оставалось только жить им.

Так же, как небо было отдано всецело солнцу, Ирина была отдана кино. Оправившись после автомобильной аварии и не дав себе отдохнуть, как следует, она уже умчалась в Будапешт на съемки. Ее пригласили сыграть роль в музыкальной картине «Шляпа», режиссером которой был Леонид Квинихидзе. Музыкальный фильм – это то, чего хотела Ирина, ведь ей всегда нравилось петь, а тут такая возможность, которую она не может упустить, даже, несмотря на жуткие погодные условия.

Команда актеров, ассистентов, помощников уже давно собралась на берегу Черного моря, нужно было отснять сцену, в которой Мирошниченко выходит из воды в купальнике. Ирина упрячилась:

– Холодно, я уже продрогла с головы до ног, а вы говорите еще о купальнике!

– Ничего, сейчас сто грамм водочки выпьешь и мигом согреешься, – подмигнув, сказал один из актеров.

– Я спиртного вообще не переношу. В студенческие годы выпила бокал вина и после этого ни капли.

– Да ладно тебе, ничего страшного в этом нет. Зато сразу ощутишь кураж и тепло, веселее играть будет.

– Куда уж веселее, – чуть слышно проворчала про себя Ирина, но, делать нечего, согласилась. Зажав нос, потому что запах был не из приятных, и, зажмурившись, Мирошниченко выпила стопку водки. Сначала горло обожгло, потом постепенно, спускаясь ниже, горячительная жидкость разносила по телу приятную теплоту. В какой-то момент теплота превратилась в ни с чем несравнимую легкость и Ирина почувствовала себя невесомой. Ей даже показалось, что если она сейчас войдет в воду, то не начнет тонуть, а сможет пойти по ее поверхности, раздвигая волны руками, укрощая стихию.

Да, пожалуй, подобное было во власти этой неповторимой белокурой женщины, которая сама была сродни стихии. Много лет спустя, на 70-тилетний юбилей в честь Ирины Мирошниченко даже назовут водопад, расположенный в столице Исландии Рейкьявике и она будет счастлива.

Сейчас ее счастье умещается в нескольких дублях, в удачно отснятом кадре. И она играет. Какой бы ни была роль, убеждена Ирина, ее можно сделать прекрасной или отвратительной. Все зависит от мастерства актера и от его отдачи. Зрители не прощают фальши, ни на экране, ни на сцене. А она не способна фальшивить, в каждой роли нужно быть только настоящей и никакой другой. Ей нравится открывать в себе новые грани, новые чувства и эмоции. Это похоже на то, когда открываешь коробочку с яркой голубой ленточкой и достаешь оттуда то, что никак не ожидал увидеть. Человеческая душа похожа на Вселенную, другое дело, что мы часто ограничиваемся не всей Вселенной, а лишь маленькой ее частью, довольствуясь теми немногими чувствами, которые уже найдены однажды, не стремясь к новым открытиям. Но Ирина была другой, не такой как все. Ей было недостаточно закутка Вселенной в душе, ей было даже мало одной Вселенной, она хотела оставаться разной, неразгаданной и увлекающей.

Такой она и была тогда, в ноябре 1981 года, стоя на берегу Дуная в одном купальнике, подставив плечи ветру, чтобы он раскрыл ее крылья, на которых она летает и сегодня, не подвластная годам стихия.

Съемочный день закончился и Ирина, наконец, возвращалась в гостиницу, чтобы отдохнуть. После отснятой сцены на пляже она успела заехать на мадьярскую телестудию, куда ее пригласили на роль Елены Прекрасной в одноименной сказке. Работа шла хорошо, Ирина была собой довольна. Приняв душ и поужинав, она погрузилась в мягкость постели,

забываясь от усталости крепким сном.

Сон отступил также стремительно, как и пришел – острая боль в спине была настолько сильной, что вызвала слезы. В первую минуту Ирина была всецело поглощена этим чувством, не осознавая, что происходит. Спустя минуту она поняла, что это разрывается от нестерпимой боли ее позвоночник. В голове мелькали сумбурные мысли, Мирошниченко вспоминала аварию, произошедшую с ней год назад. Тогда врачи просили ее подождать, побереечь себя, но она уже летела первым рейсом на съемки. Неужели это конец? «Нужно встать и дойти до телефона, чтобы кто-нибудь вызвал врача», – подумала Ирина и, собрав все силы, приподнялась на кровати. С трудом поднявшись на ноги, Ирина дошла до телефона и набрала номер администратора. Каждый шаг отзывался игольчатой болью, казалось, что каждая клеточка тела кричит.

– Вызовите врача в номер к Мирошниченко, – выпалила актриса. Некогда было думать о вежливости или приветливом тоне. Девушка, услужливо отвечавшая каждому клиенту, опешила от такого неожиданного ответа, но по тону она поняла, что случилось что-то нехорошее. Услышанное слово «врач» усилило тревогу, но спросить ничего не получилось, Ирина бросила трубку. Стоять она больше не могла и рухнула на кровать.

Через полчаса в номере появилась женщина. Одного взгляда на актрису было достаточно, чтобы понять, какую боль она испытывает. Лицо было бледным и неподвижным, на лбу выступили капельки пота. Сейчас она не выглядела блистательной, а предстала во всей слабости, которая только может придти к человеку в минуту отчаяния. Доктор подошла к Ирине, она повернула голову в ее сторону и произнесла: «Делайте что хотите, но я должна играть». Женщина, которая была по возрасту немного старше актрисы, но уже обладавшая большим опытом, привыкла держать себя спокойно и твердо, на этот раз была растеряна – перед ней, беспомощная от страданий, лежала одна из самых известных актрис Советского кинематографа. Она подошел к Мирошниченко: «Я сделаю вам укол в позвоночник, нужно повернуться на живот». Ирина повиновалась, собрав все силы, повернулась на постели. И тут до нее дошло странное осознание – она не чувствует своих ног. Страх накрыл ее мощной волной, она захлебывалась оттого, что не понимает происходящее, оно просто не умещается в голове. «Я не чувствую ног», – сильным голосом произнесла Ирина. Врач не расслышала и склонилась над ней, но теперь она выкрикивала эту фразу так громко, как только могла. Хрип, слезы, отчаянье смешались воедино, сплетаясь в пелену темноты и ужаса. Она начала бить кулаками по постели, просила сделать хоть что-нибудь, ведь ее ждут на съемках фильма... Женщина, стоявшая безмолвно, ошеломленная происходящим, сжала руку актрисы и как можно более твердым голосом произнесла: «Успокойтесь, все будет хорошо». Но, само собой, она не слушала. Ее истерическая агония продолжалась почти час. Наконец она успокоилась и притихла, подействовало успокоительное, которым с большим трудом удалось напоить Ирину.

Съемочной команде фильма «Шляпа» сообщили, что Мирошниченко парализовало, и спустя несколько часов ее уже везли в Москву, напичкав обезболивающими.

Дорогу Ирина почти не помнила. Приходя в сознание на короткое время, она только видела перед собой встревоженные лица знакомых и незнакомых людей и не понимала, что с ней происходит, почему она не на съемках. Уставшая и опустошенная, Мирошниченко цеплялась за забытие, в которое снова и снова погружалась, как в море. И в нем так было приятно плыть, казалось, что волны ласкают мягкими ладонями не только ее тело, но и душу. К каким берегам принесет ее это волнующее море? Она не знала, но ждала чего-то доброго, светлого, нового горизонта, который скрыт за высокими волнами, стремящимися к небу. У этого другого горизонта Ирина сможет обрести счастье и любовь, найдет новые силы для творчества.

Спасительный Будапешт

Огни, зажигавшиеся над Москвой по вечерам, напоминали звезды, упавшие на землю. Они манили своим светом в неизвестность, завораживая приезжих провинциалов, которых

всегда хватало в столице. Ирина тоже чувствовала себя чужой на этот раз в этом городе. Лежа на кровати в больнице, куда ее срочно привезли из Будапешта, актриса слушала тишину, одетую в черное пальто. Женщине хотелось укутаться этой тишиной, спрятаться в ней и заснуть, чтобы не чувствовать боли. Таблетки не всегда помогали и иногда, словно страшные щупальца, острые как сотни иголок, хватали ее тело, пронзая насквозь. Ирина терпела, а когда не могла терпеть, тихо плакала, чтобы никто не видел.

Но от врачей и журналистов не могли ускользнуть ее страдания, отражавшиеся на осунувшемся за несколько недель лице.

Во время утреннего обхода врач, который наблюдал за ее состоянием, снова приступил к уговорам:

– Ирина Петровна, вам необходима операция на позвоночник, – в его глазах читалась твердая уверенность в том, что он говорит.

– Я не могу лечь на операцию, мне нужно играть.

– Но ведь вы даже ходить не можете, как же..., – и врач осекался, натываясь, как на железобетонную стену, непроницаемый и упрямый взгляд Ирины.

– Поймите, операция даст небольшой шанс на то, что вы хотя бы не потеряете ногу, – как только Мирошниченко услышала эти слова, ее руки задрожали, в горле встал ком от готовых вырваться из глубины души слез, которые были ничем иным, как льдом отчаянья, растаявшим окончательно от обжигающих слов врача.

– Что это значит?

– Мы можем сохранить вам обе ноги, но при этом ходить вы вряд ли когда-либо сможете, – голос говорившего мужчины дрогнул на последних словах. Ирина, словно сумасшедшая, смотрела на него, а потом закричала так громко, что врач вздрогнул:

– Уходите отсюда, я не хочу никого видеть!

Шок, как штормовая волна на море, накрыл ее с головой. Она тонула в собственных слезах и одиночестве. Мысли страшным вихрем пронеслись в голове, одна мрачнее другой. Ирине казалось, что все кончается, вот так вот – неожиданно и несправедливо.

Мирошниченко навещала старенькая мама, держала дочь за руку, утешала. Однажды Ирина призналась ей:

– Мама, я не хочу больше жить, я так устала.

– Что ты такое говоришь? – Екатерина Антоновна боялась таких желаний Ирины, – Все наладится, слышишь!

– Когда наладится? Как наладится? Хватит меня обманывать! – актриса переходила на крик, ударяя по материнскому сердцу своими словами, как молотком, безжалостно и усердно.

– Врачи сделают тебе операцию.

Ирина не дала продолжить фразу, договаривая за нее:

– А как же нога, которая усыхает? Кому я буду нужна без ног?

Екатерина Антоновна молчала, не в силах больше сопротивляться агрессивности Ирины. Уходя, она обернулась к рыдающей дочери и сказала только одно:

– Не опускай руки. И хватит себя жалеть.

Мама уходила, а Мирошниченко снова оставалась одна. Актрису душила обида на то, что самый близкий человек не способен ее понять. Да она и сама себя не могла понять, честно говоря. Лежа долгими ночами без сна, Ирина спрашивала себя о том, что же с ней случилось? Срывается, кричит, не хочет слушать врачей. Ведь они хотят ей помочь. Может быть, и на этот раз нужно покориться судьбе? От нее не уйти и поэтому Мирошниченко завтра подпишет согласие на операцию, и будь что будет.

Но подписывать Ирине ничего не пришлось. Как спасительный знак, который вселил в актрису надежду, в больнице раздался звонок главного редактора мадьярского телевидения Анны Белец:

– Ирина, главное доберись до Будапешта, мы поставим тебя на ноги! – голос Анны был сродни волшебству, о котором актриса даже не могла мечтать.

– Выезжаю прямо завтра, – с воодушевлением в голосе сообщила актриса.

Окрыленная неожиданной надеждой, взошедшей как солнце над горизонтом, Ирина начала собираться в дорогу. Занятая этими хлопотами, она снова была похожа на саму себя: активную, деятельную. Командуя сборами, актриса попросила принести ей корсет со спектакля «Чайка», в котором она играла Машу. Туго затянувшись в него для поддержки спины, Ирина самолетом добралась до Будапешта.

Холодный ветер, выпрашивал, словно воришка, света у солнца, которое пряталось за молочно-серыми облаками. Но Ирине не мешал этот ветер, наоборот, бодрил. Ее везли на машине скорой помощи в старейший госпиталь, находившийся вблизи термальных источников. Мирошниченко много слышала об их целительном воздействии на организм от знакомых, бывавших в этих местах. Ей рассказывали, что температура воды в термальных источниках Будапешта может достигать почти до 80 градусов. Ей казалось невероятным, что она сможет выдержать такую температуру.

Актриса выдержала все три месяца лечения. Палата, в которую ей поместили, была обустроена с комфортом по высшему разряду. С утра Ирине приходила делать уколы молоденькая приятная медсестра, с которой постепенно они начали засиживаться часами, разговаривая о самых разных событиях жизни. От нее актриса узнала, например, историю происхождения названия «Будапешт». Оказывается, столица Венгрии, образованная в 1873 году, обрела свое имя путем слияния таких городов как Пешт, Буда и Обуда, только первый город располагался на левом берегу Дуная, а другие два – на правом. Медсестре нравилась заинтересованность этой красивой, величественной женщины, и она дополняла их беседы интересными фактами. В один из дней девушка засиделась у актрисы в палате до позднего вечера и уже прощалась, говоря, что ей нужно успеть на последний троллейбус.

– А ты знаешь, я тоже могу тебе кое-что рассказать интересное, – загадочно улыбнувшись, сказала Мирошниченко, – про троллейбусы.

– Звучит интригующе! – девушка присела на край кровати, забыв про то, что собиралась домой.

– Я заметила, что в Будапеште нумерация абсолютно всех троллейбусов – не ниже 70, то есть нельзя встретить троллейбус, скажем, с номером 65.

Медсестра рассмеялась: – Представьте себе, за все эти годы, что живу здесь, тоже успела подметить эту особенность.

– Так это все, как я прочла потом в путеводителе, оказывается, в честь Сталина. Так совпало, что его 70-летний юбилей пришелся на 1949 год, в который впервые по Будапешту пустили троллейбус. Поэтому и дали первопроходцу номер 70. Знаешь, я была удивлена, столько интересного можно найти в простых и незаметных вещах.

Девушка, выслушав, сказала на прощание:

– Вот доживете до 70-летия, и в вашу честь что-нибудь тоже назовут.

– О, за это время много что изменится, да и не известно, встречу ли я такой юбилей.

– Встретите, – подбадривала собеседница, – главное – сейчас выздоравливайте!

И Мирошниченко действительно в 2012 году разменяет седьмой десяток, но это чуть позже, а пока она собирала все силы для скорейшего выздоровления, ведь ее ждали на съемочной площадке, куда она скоро будет бегать на костылях, а отыграв роль, возвращаться в больницу. Врачи, конечно, будут протестовать, но с Ириной не поспоришь, она говорила: «Когда я не работаю, то не чувствую, что дышу».

Днем актрисе делали интенсивный массаж, после которого ее ноги постепенно начинали обретать чувствительность. Сначала Ирина не прислушивалась к своим ощущениям, но как только ноги начали шевелиться, она ждала каждого сеанса массажа с нетерпением, ей хотелось как можно быстрее увидеть результат.

Вечерние процедуры состояли из термальных ванн. Актрису на руках опускали в источник, потом относили в палату. Спустя несколько недель Ирина уже сама могла погружаться в воду, без посторонней помощи.

Вообще она не любила принимать чужую помощь, в какой бы самой добросердечной

форме та не оказывалась. Но иногда действительно без помощи не выжить. Ирина не знала, что помогало ей в этом – люди, высшие силы или новая романтическая история, которая началась для нее со звуков скрипки, влетевших к ней в окно однажды утром.

Ирина сначала не поняла, откуда доносятся эти чарующие звуки. Скрипка была частью детства актрисы и теперь эта незнакомая мелодия, которая доносилась с улицы, напоминала ей о счастливом времени, когда самой большой бедой было разодрать коленку, бегая наперегонки с мальчишками.

Сегодня она не гонялась за мужчинами, теперь мужчины бегали за ней. Сотни поклонников были похожи друг на друга в своем стремлении удивить, но тот, кто сейчас стоял под окнами ее больничной палаты, выделялся на их фоне, потому что владел в совершенстве музыкой из ее прошлого, превратив в пусть и не долгое настоящее.

Любовь, звучащая как скрипка

Альберт сразу заметил среди посетителей небольшого кафе эффектную блондинку с хорошей фигурой. Ветер играл с ее волосами, придавая таинственной незнакомке немного растрепанный вид, но он вовсе не портил вида женщины. Солнце бликами отражалось в глазах этой роковой красавицы, а небо, будто легкая шелковая шаль, кутало ее плечи. Альберту казалось, что этой женщине к лицу было все, что есть в природе: ветер, солнце, небо. Она сама была соткана из стихий, он сразу это понял и влюбился. Скрипка, на которой он играл для посетителей кафе каждый вечер, теперь зазвучала по-новому. Она пела теперь для нее.

Ирина постепенно приходила в норму, спина больше не болела так остро, только если сделаешь резкое движение. Венгерские врачи сотворили чудо, и она снова могла ходить. Иногда тайком убегая из больничной палаты, она приходила в это маленькое уютное кафе, выпивала чашечку ароматного капучино и наслаждалась прекрасной игрой скрипача. Он был невысок, но хорошо сложен, взгляд зеленовато-карих глаз прямо и искренно говорил о том, что жило в его душе. Когда он играл, Ирина ждала, что музыкант вот-вот оторвется от земли, как воздушный шарик, настолько глубоко он проживал каждую ноту, готовый взлететь вверх вместе со звуками скрипки. Она не спешила знакомиться с ним первой, хотя чувствовала, что нравится ему. Впрочем, актриса всегда была центром притяжения для мужчин и поэтому привыкла к оказываемому вниманию. Правда в последнее время уже не задумывалась о новом браке, семье, тем более детях. Возможно, в глубине души просто не верила в такое вот простое женское счастье. Ее счастье не могло быть простым и однообразным, оно сменялось каждый раз с приходом новой роли. Она одевалась в новый образ также легко, как в летнее платье. Со сменой ролей менялись поклонники, и Ирина уже не воспринимала сотни слов, звучавших из их уст, всерьез. Так, думала Мирошниченко, случится и на этот раз, поэтому не придавала значения взглядам венгерского музыканта, какими он провожал ее.

В один из таких вечеров, когда Ирина как всегда сидела за столиком того самого кафе, где играл Альберт, официант принес ей красную розу с запиской. Актриса раскрыла послание и прочла: «Хотите почувствовать свободу? Я знаю как. Если дождетесь меня после выступления, я расскажу». Это письмо заинтриговало Ирину своей открытостью и в то же время таинственностью, она решила остаться.

Остаться актриса решила не только в этот вечер, но и в следующие за ним вечера. Альберт Кочиш, венгерский скрипач, оказался незаурядным, интересным мужчиной. В нем сочеталась романтика и твердая уверенность в себе, с ним было легко смеяться и быть серьезной, дурачиться и размышлять о чем-то большем. Они часами гуляли по окрестностям Будапешта, Альберт показывал ей достопримечательности и водил по простым, никому не известным улочкам.

Стоя на Мосту Свободы, под которым разливался Дунай, они вместе расправляли руки и вдыхали ветер, даривший легкость. Он рассказывал ей легенды о мифических птицах турулах, которыми украшен мост, а она слушала и живо представляла в своем воображении

все эти картины.

Обнявшись, Альберт и Ирина могли часами прогуливаться по улице Ваца, которая считалась сердцем города. Здесь раскинулись самые разные магазины и рестораны. Большинство фасадов зданий выделялись чугунными украшениями и мозаикой. В такие мгновения Кочиш брал Ирину за руку и шептал, что она украдала его сердце, а Ирина заливисто смеялась.

Дни пролетали стремительно, несколько месяцев сжались до пары недель, скоро съемки фильма заканчивались, и Ирине нужно было улететь в Москву. Сегодня она скажет об этом Альберту, когда они снова будут гулять по вечернему Будапешту.

– Альберт, я возвращаюсь в Россию через несколько дней.

Мужчина остановился, как только она произнесла эти слова, потом, с трудом подбирая слова, произнес:

– И наша история закончится?

Ирина ответила молчанием на его вопрос. Музыкант посмотрел ей в лицо, глаза его готовы были наполниться слезами.

– Хочешь, я перееду из Будапешта в СССР? Тогда мы сможем быть вместе, мне ничего здесь не нужно без тебя, – он отчаянно сжал ладонь Ирины. Она слегка улыбнулась, очевидно, его, как ей казалось, наивным словам. Дотронувшись до его щеки рукой, актриса обняла его и, глядя в его душу зеленовато-карего цвета, сказала:

– Не нужно идти на такие жертвы, я сама скоро приеду к тебе.

Он был счастлив, как ребенок, обещая ждать ее сколько угодно, лишь бы она снова вернулась к нему.

Но Ирина не спешила возвращаться, закружившись в вихре дел и ролей. «Чайка», в которой она более двадцати лет играла Машу, стала ее символом. Новые роли в кино, съемки с самого утра и до позднего вечера заполнили будни яркими красками, думать о романе с венгерским музыкантом просто было некогда. А тут еще и новое увлечение Ирины – музыка, которую она с детства очень любила. Готовился к выходу ее первый концерт, где она будет петь сама. Все это имело для актрисы большое значение, поэтому на подготовку концертной программы она отдавала много сил и времени. И только иногда звонок издалека напоминал ей о том случайном красивом романе.

Однажды Ирина подняла трубку и услышала звуки скрипки. Альберт играл для нее ту самую мелодию, которая звучала в первый день их безмолвной встречи. В каждом звуке, летевшем к ней по телефонным проводам, теперь звучало что-то новое, чего не было раньше. Это была тоска. Она пробивалась к Ирине сквозь ноты, как раненая маленькая птичка, бьющаяся о стекло окна, с мольбой впустить ее отогреться. Ирина не слышала этой мольбы или претворялась, что не слышала. Да, Альберт играл также проникновенно, как и тогда, в Будапеште, и никакое расстояние не способно было сгладить эту проникающую в каждую клеточку тела и души страсть музыканта, но актриса знала, что все это осталось в прошлом, а для нее существует только настоящее. И он должен понимать это, если и не понимает, то она откроет ему глаза.

Когда Альберт закончил играть, Ирина, без всяких предисловий, чтобы не слышать снова его уговоров по поводу приезда, начала:

– Я не хочу новых разговоров о старом, приехать к тебе не смогу. То, что было между нами, осталось в прошлом, и я хочу, чтобы ты это понял, – наступила пауза. Альберт, казалось, перестал дышать. Раздосадованная его молчанием, покорным принятием факта, злая на себя за такую жестокость к любимшему ее мужчине, Ирина выпалила, сама не осознавая до конца зачем:

– Забудь меня!

На этот раз тихий голос в трубке отозвался всего двумя словами:

– Будь счастлива.

Ирина, ожидавшая наверно самого громкого скандала, но не такого спокойного ответа, опешила еще больше и, словно пытаясь сбежать от Альберта, а больше всего от самой себя, с

грохотом бросила телефонную трубку на рычаг.

Они никогда больше не созванивались и не виделись, эта история закончилась вместе со съемками фильма. Ирина упустила еще одну возможность стать женой и матерью, а ведь ей уже было почти сорок. Но тогда выбор был очевиден, по крайней мере, для нее.

Много лет спустя, когда телевизионщики будут снимать документальный фильм к семидесятилетию юбилею Мирошниченко, актриса вспомнит эту красивую историю, но ответ, полученный на официальный запрос, сделанный с помощью прессы в Будапешт, будет печальным – Альберт Кочиш умер в 1995 году. Ирина так и не успела приехать к венгерскому скрипачу.

Петь – значит верить

Самым потрясающим в жизни может быть только море людских глаз, которые устремлены на тебя, и ты владеешь этой стихией всецело. Ирина стояла на Питерской сцене под открытым небом, окунаясь в это море. Сегодня ее партнером был актер Александр Горковенко и она исполняла новую для себя роль певицы. Волнение зашкаливало, ведь она никогда не пела на людях, но теперь все переменялось. Переменялось с момента ее работы с Романом Виктюком, именно он уговорил Ирину исполнить впервые песню в фильме. Ирина пришла на съемки чем-то расстроенная, и Роман это заметил. Когда начали репетировать, он сказал только одно слово: «Пой». Актриса как сумасшедшая уставилась на него, не понимая о чем речь. «Тебе сейчас плохо. А знаешь, что я делаю, когда мне плохо? Я пою». Потом Ирина поняла, что когда случается что-то не очень хорошее, а ты не можешь этого изменить, остается только петь. И еще смеяться. Мирошниченко так и делала. В песне разговаривает душа. И сегодня, стоя здесь, для каждого зрителя и для ее любимого Санкт-Петербурга она поет. Александр Горковенко в паре с Ириной выбрали для исполнения песню «Театр» на музыку композитора Владислава Успенского, писавшего для фильма «Миссия в Кабуле». Звуки музыки и голоса летели над Дворцовой Площадью, где был организован концерт. Зимний дворец воздушный и легкий благодаря сочетанию бледно-зеленого и белого цветов на фасаде, будто парит над землей. Все здания на площади объединены в одну композицию потрясающим архитектором России. Он умел сочетать, казалось, не сочетаемые вещи. Ирине тоже всегда казалось, что она и песня не сочетаются, но вот она стоит на сцене и ее голос струится в высоту, похожий на фонтаны Летнего сада, по которому она гуляла вчера вместе со своими друзьями. Когда Ирина увидела Порфиловую вазу высотой более 400 сантиметров и в диаметре 134 см, шутливо сказала: «Вот в такую бы вазу из розового гранита поместились, пожалуй, все цветы, которые мне подарили в жизни». Все смеялись и подтрунивали друг над другом.

Веселье закончилось, когда Ирина вернулась за кулисы. Взволнованная девушка ассистент подбежала к актрисе и шепотом произнесла:

- Ирина Петровна, сообщили только что из Москвы.
- Что случилось? – у актрисы защемило сердце от предчувствия беды.
- Вашей маме стало плохо, «скорая» увезла ее в больницу.

Мирошниченко, не дослушав, помчалась к организатору концерта. Влетев в его гримерную как ураган, громко, почти крича, потребовала: «Мне срочно нужно в Москву, маме плохо. Я должна быть с ней рядом».

Конечно, Ирине тут же дали транспорт, и уже вечером она сидела в маминой палате, держа ее за руку. Екатерина Антоновна приоткрыла глаза и слабо улыбнулась: «Ты пришла. Я рада». Ее лицо осунулось и похудело. Руки были тонкими и прозрачными. «Мамочка, я с тобой» – актриса склонилась над женщиной и погладила ее по голове.

Открылась дверь в палату, и вошел мужчина.

- Катенька моя, как ты? – он распахнул руки, поспешил к Ириной маме.
- Яша! Усы у тебя колючие, – женщина засмеялась, когда он поцеловал ее в щеку.

Ирина заметила, как преобразилась мама после прихода Якова Розенкера, который был теперь ее отчимом. Актрисе он не нравился. Когда мама впервые объявила, что выходит

замуж за ровесника своей дочери, вся их семья была поражена.

– Мама, но ведь он моложе тебя на почти на 25 лет!

– Я люблю его, а остальное меня не волнует, – возражала Екатерина Петровна.

– Ему от тебя нужны только деньги, открой глаза, – Ирина кричала в трубку.

– Не рассчитывала на твою поддержку.

Больше актриса не спорила, видела, что это бесполезно. Но старалась избегать встреч с отчимом. После смерти мамы в 2005 году актрисе придется побороться с этим человеком в суде за свою же собственную квартиру. Конечно, она выиграет суд, за это Розенкер прольет на нее в прессе тонны грязи. Для нее весь этот человек с самого начала был скоплением неискренности и фальши. Они вместе начали безмолвную войну друг с другом за сердце Екатерины Антоновны, за квартирную площадь, за право правды. Но сегодня, сидя у постели больной мамы, у Ирины не было сил спорить и ругаться. Она заглянула в глаза Якова, давая понять, что не рада его приходу, и вышла из палаты. В коридоре актриса столкнулась с врачом, лечившим ее маму:

– Скажите честно, что будет с мамой? Она ведь уже в возрасте.

– Мы стараемся поддерживать ее состояние, оно достаточно стабильное. У вашей мамы начались проблемы с памятью и сердце подводит. Ей нужен покой.

– Я поняла, – Ирина протянула пачку денег врачу, – обеспечьте ей хороший уход.

Врач немного замаялся, делая вид, что его оскорбляет предложение Ирины взять деньги, но все же, плату принял.

– Сделаем все, что в наших силах.

Актриса кивнула и зашла в палату. Яков что-то говорил ее маме, она не расслышала, но поняла по выражению лица женщины, что предметом обсуждения была Ирина.

– Мамоchка, мне пора уходить, концерт через несколько часов. Я пришлю тебе домработницу, она будет помогать тебе, когда ты выпишешься из больницы.

– Спасибо, доченька. Поезжай, – Екатерина Антоновна погладила руку дочери и улыбнулась.

– Выздоровливай.

Когда Мирошниченко вышла, до нее дошли слова Розенкера: «Конечно, у нее концерты на первом месте». Мама ответила умиротворяющим голосом: «Не ругай Ирину, Яша, она работает из всех сил». Ирина сдерживала давившие ее слезы. В глаза затуманились и актриса, почти не глядя, выбежала из больницы, села за руль и поехала в центр Москвы. Нужно было проработать еще раз концертную программу. Но мысли были совсем не о концерте. В голове крутились мысли о маме, которую она могла потерять в любой момент. А ведь она была самым близким человеком, который остался у нее в жизни. Ни одна самая большая любовь, которую может дать мужчина, не сравнится с материнской любовью. Она вспоминала, как они с мамой ходили в лес за ягодами и грибами. Ирине тогда было 10 лет. Мама рассказывала ей, какие грибы можно собирать, а какие нельзя. Девочка так увлеклась поисками, что не заметила, как заплутала. Когда она поняла, что осталась одна, а мамы не видно, в ее сердце прокрался испуг. Она стала звать, все громче и громче. Но лес отвечал только птичьими голосами и шумом ветра. Ирина устала звать и, обессиленная, села прямо на траву. Слезы хлынули из карих глаз, в которых отражалось солнце, можно было подумать, что это слезы солнца. Внезапно она услышала, как издалека доносится какая-то песня. Прислушавшись, девочка узнала мотив, который ей напевала мама. Она встала и побежала так быстро, как только могла, на звук маминого голоса. Наконец Ирина заметила тропинку, которая шла к поляне. «Мама, мамочка!» – девочка подбежала, обнимая Екатерину Петровну. Мамина песня тогда спасла ее. И спасала до сих пор.

Теперь Ирина будет петь для мамы, стоя на сцене московского Дома Кино. После концерта к ней подойдет мужчина с мягким бархатным голосом и теплым взглядом.

– Ирина, приятно познакомиться. Меня зовут Лев.

– Значит, мы с вами два льва, – пошутила Ирина.

– Как это?

– А так, я лев по гороскопу, а вы по имени.

– Значит, сработаемся, – улыбнулся мужчина. Это был Лев Лещенко. Ирина уже слышала о нем, он обладал приятным тембром голоса, который укрывал мягко. В этом голосе было уютно, будто укрываешься теплым пледом. И она тоже укрывалась. Он пригласил ее выступить на своем юбилее.

– Я слышал, как вы пели, у вас талант.

– Спасибо. Думаю, вы правы, – Ирина кокетливо улыбнулась.

Лещенко удивленно приподнял бровь, удивившись такому смелому выпадку. Мирошниченко поняла его мысли и добавила:

– Не удивляйтесь. Просто для меня человек талантлив тогда, когда он делает то, что ему приносит удовольствие. При этом чувствует себя гармонично, а в его деле живет душа. Так я привыкла делать все. Иначе не берусь.

– Ирина, вы удивительная! – Лев поцеловал ей руку.

Через несколько дней они выступали вместе в Концертном зале «Россия». Именно в этот момент, исполняя песню «Ах как жаль», Ирина почувствовала, что песня теперь стала неотъемлемой частью ее жизни. Когда она пела – ее душа обретала веру в лучшее, в то, что есть выход, как тогда, в лесу. С этого момента каждая песня Ирины была посвящена маме. И так было до конца. Екатерины Антоновны не стало в 2005 году.

Второе дыхание

Они сидели за столиком уютного бара на Манхэттене. На импровизированной сцене выступала чернокожая певица с большими глазами цвета кофейных зерен, полными тоски, эти глаза пели на языке, понятном каждому посетителю, независимо от национальности. Даже не зная языка можно было понять, что песня о любви. Ирина смотрела на своего спутника – голубоглазого мужчину со светлыми волосами. Он улыбался ей.

– Ну что, не страшно выступать в Нью-Йорке? – спросил он, все так же улыбаясь.

– Знаешь, наверно нет. У меня столько всего было в жизни, что страх выветрился как сигаретный дым. Видишь – под потолком кондиционеры, они выдувают всю грязь из воздуха. Вот и я также научилась фильтровать эмоции.

– Ты потрясающая женщина, – мужчина взял ее за руку.

– Не настолько потрясающая, как твои песни, Андрей.

– Мои песни пишет сама жизнь.

– Философствуешь? – Ирина кокетливо посмотрела на спутника.

– Беру с тебя пример, – они посмотрели друг другу в глаза и, не сговариваясь, решили, что пора уходить.

На Бродвее было многолюдно. Многочисленные магазинчики, рестораны, торговые центры, театры притягивали людей как магнитом. Мужчина, шедший рядом с Ириной, тоже притягивал. Впервые Мирошниченко услышала его песни на каком-то концерте, куда пришла только ради того, чтобы составить компанию подруге. И, оказалось, что пришла не зря. Этот исполнитель, с открытым взглядом и чарующим голосом, покорила ее. После концерта она выяснила его фамилию – это был Андрей Никольский – исполнитель песен собственного сочинения, музыки и стихов. Ирина зашла к нему в гримерку, с ходу заявив: «Я хочу, чтобы вы написали для меня песню». Такая стремительность понравилась Никольскому. С этой встречи началась не только их творческая работа. Между ними было что-то еще, но они оба не решались переступить грань. Им было достаточно творчества, которому оба отдавались без остатка. Теперь они вместе подготовили концерт в Нью-Йорке.

– Удивительно, что мы сейчас с тобой идем по Бродвее, где ходили самые именитые знаменитости. Знаешь, я в юности была на концерте Марлен Дитрих. Меня это так поразило, очень хотелось также, как она петь на сцене. И вот теперь я буду почти как она.

– Ты не почти как она, ты другая, а значит лучшая.

– Совсем избалуешь меня комплиментами, – Ирина отбросила прядь белокурых волос назад, одаривая спутника блистательной улыбкой.

– Сказать комплимент – это все равно, что обнять человека, но только душой.

Актриса рассмеялась такому сравнению:

– Я предпочитаю, чтобы меня обнимали руками.

– Смотря, какие руки. Вот взгляни на руки того нищего, – Никольский указал на высокого мужчину с тусклыми глазами, стоявшего у церкви Святого Павла, мимо которой они проходили. Это было одно из самых старинных сооружений Манхэттена. Ирина обернулась в ту сторону, куда показывал Андрей.

– Нет, такие руки не должны меня обнимать. Это руки человека, который ничего не добился в жизни, таких людей я не понимаю. Нужно всего добиваться самим, а просить милостыню – слабость. Причем милостыню в любом виде, будь то деньги или чувства.

– То есть ты хочешь сказать, что не стала бы, например, выпрашивать любовь?

– Нет, – Ирина посмотрела на спутника долгим взглядом.

– А если допустить, что ты влюбилась безответно? – Андрей не сдавался.

– Безответность придумали люди, которым нечем заняться и нравится страдать. У меня же есть любимая работа, новые интересные роли, поездки, встречи.

Никольскому нечего было возразить, потому что любое его слово эта роковая женщина опровергнет своей правдой. Его же правда состояла в том, что он жил настоящим моментом и ему было хорошо. Он думал о том, что создавать нечто хорошее должно не место, в котором человек находится, а исключительно его поступки. Андрей мог бы перефразировать знаменитое выражение: «Хорошо там, где нас нет», на «Где мы есть – там и хорошо». Это чувство можно ощутить везде, даже в такси, на котором они с Ириной возвращались в гостиницу после прогулки.

– До завтрашнего концерта, – попрощался Никольский.

– До скорого, – Ирина стояла около двери своего номера и вертела ключ в руках, – Спасибо за прогулку.

Они попрощались. Ночью Ирина долго не могла заснуть. Стояла на балконе и любовалась городом небоскребов. Это зрелище воспламеняло в памяти воспоминания о прошлом, было похоже на блеск театральных огней. Однажды, стоя перед многочисленными зрителями в свете прожекторов, Ирина чуть не упала в обморок от усталости, многочисленных перелетов и поездок. За кулисами ее еле успели подхватить под руки, чтобы отнести в гримерную. Тогда она доиграла спектакль до конца. Теперь ей кажется, что на самом деле конец – это только начало. Второе дыхание, которое она открыла благодаря Манхэттену и пришедшим на концерт зрителям.

Зал был забит до отказа. Люди разных возрастов и профессий слушали Ирину, как замороженные. Она шутила, танцевала и вообще старалась быть как можно более естественной. Публика ликовала.

Ликование это продолжилось и за кулисами у гримерной актрисы. В хор скандирующих ее имя голосов внезапно вклинился один жесткий и категоричный. Он принес с собой зерно спора, заразив им толпу. Крики становились все громче и громче. Наконец, Ирина не выдержала и вышла в коридор.

– Что произошло? – сдерживая раздражение, спросила она.

– Ирина Петровна, – охранник указал на женщину средних лет, сидевшую в инвалидном кресле. – Эта женщина расталкивает людей и рвется в вашу гримерную. Мы пытаемся утихомирить недовольных поклонников.

– Пропустите эту женщину.

Охранник тут же выполнил просьбу. Мирошниченко видела в зеркальном отражении, как в помещение вкатили коляску. Сидевшая в ней зрительница смотрела прямо и твердо своими серыми глазами, ничуть не смущаясь. Когда обе женщины остались наедине, гостья Мирошниченко произнесла:

– Ирина, я хочу сказать вам большое спасибо.

Актриса улыбнулась таким словам и хотела прервать собеседницу, но та не позволила, продолжив:

– Мы с вами похожи. Я тоже была актрисой и блистала на сцене, пока со мной не произошла авария. Ваша судьба меня тронула, потому что вы смогли подняться на ноги после своей беды. Ирина, вы очень сильная женщина, мой пример.

В глазах Мирошниченко остановились слезы. Эта встреча была такой трогательной и искренней, насколько настоящей может быть беда, объединяющая людей с разных континентов. Актриса обняла женщину в коляске, при этом от волнения забыв спросить ее имя. Впрочем, позже, вспоминая этот случай, Ирина подумает, что это не так важно. Гораздо важнее, что ее творчество служит стимулом для людей, вдохновляет. Открывает второе дыхание.

У королевы не бывает возраста

Гром аплодисментов не мог заглушить стук ее сердца – столько лет на виду у зрителей, а волнуется до сих пор как маленькая девочка, выходя на сцену. Волнуется, потому что всегда искренна. Искренна со своими поклонниками, которые и есть вся ее жизнь и в этой жизни она королева.

Московский Дом кино, в котором собрались сегодня все желающие, был полон самыми разными людьми, которые захотели поздравить актрису, ведь прийти в этот день на юбилей королевы МХАТа они могли свободно. Разве может быть у нее иначе? Только свободно распахнув двери можно понять, кто твой друг, а кто лишь его слабая тень, тающая при ярком свете. Сегодня здесь было слишком много света, который, однако, только подчеркивал красоту актрисы – она блистала обворожительной улыбкой, завораживала взглядом, как всегда. На ней было длинное черное платье с ярко красными бусами на шее и таким же браслетом. Черный цвет она любила больше всего, он казалось, придавал одновременно величественность и спокойствие. Именно такой и нужно быть, ведь она – Ирина Мирошниченко, – советская Катрин Денев и Мэрилин Монро в одном лице.

И вот теперь она в очередной раз стоит на сцене, при этом как бы наблюдая за собой со стороны. Обстановка и эти люди были ей давно и хорошо знакомы. Она каким-то удивительным образом знала, что сейчас должно произойти. Первыми на сцену для поздравлений сейчас будут выходить сильные мира сего – лица, стоящие у власти. Приветственные слова и пожелания звучали в том порядке, о котором Ирина уже заранее знала, знала, потому что все происходящее уже случалось с ней когда-то, точь-в-точь как сейчас.

– Ирина, я хочу поздравить вас с юбилеем. – Со своего места в зале поднялся высокий, статный мужчина, выглядящий намного моложе своих 55 лет. Она знала его – это был Владимир Шаманов, командующий ВДВ России, которого можно было назвать настоящим полководцем, было в нем что-то геройское и вместе с тем открытое. Наверно поэтому он, один из немногих, произносил речь без подсказки на листочке, говорил то, что чувствовал, это и нравилось больше всего.

– Уважаемая Ирина, – тепло улыбаясь, начал «полководец», – вы, без преувеличения являетесь секс-символом моего поколения. При этих словах в зале послышались аплодисменты, сопровождаемые добродушным смехом. Но потом в голосе мужчины зазвучали серьезные нотки: – Наша родина – Россия – является воплощением женского образа. Может быть поэтому, именно женщины во время жестоких, кровопролитных войн были способны поднять ее с колен. Образы, которые вы создали, вдохновляли бойцов на службу своей проникновенностью – Владимир немного откашлялся, скрывая нахлынувшее волнение, затем продолжил – Что скрывать, ведь служба в гарнизонах всегда была непростой, но фильмы с вашим участием приносили настоящую радость солдатам и офицерам. И сегодня я хочу поклониться вам от имени всего воинства.

Закончив торжественную речь, командующий склонился в легком поклоне, приложив правую руку к сердцу в знак искренности.

Лицо юбилярши светилось счастьем и признательностью. Сегодня она осознавала себя частью нескольких поколений, ведь ей уже 70 лет и это удивительное чувство. А вот здесь

стоп! Не «уже», а только «еще»! Сегодня эта неповторимая женщина сделает так, что никто не поверит в ее года, каким бы богатством они ни были. Так и должно быть, ведь у истинной королевы не бывает возраста. Память снова высвечивала в сердце, словно прожектор, мамины слова: «Ты должна ощущать себя королевой. Пусть люди думают, что у тебя все хорошо». Этот совет и был ее заветом с самого детства, ему она последует и на этот раз, будет петь, смеяться и шутить. Больше всего, конечно, петь, ведь песня, как голос души, особенно если это дуэт. И сейчас актриса выйдет на сцену, чтобы спеть вместе с Михаилом Боярским, который как всегда пришел в своей неизменной черной шляпе. Потом пару на сцене Ирине составит Дмитрий Харатьян, блистающим неиссякаемым с годами обаянием и прекрасный актер Евгений Дятлов.

«С этими людьми я чувствую единство взглядов, а значит, мы споемся, и споются наши души» – размышляла именинница, слушая поздравления знаменитых мужчин, но тут же резко остановила себя мысленно: «Достаточно подобного философствования». В последнее время что-то тянет ее на такие глубокомысленные умозаключения, а это пробуждает чувство одиночества. Хотя с этим трудно бороться, ведь опыт и одиночество неотделимы друг от друга – чем больше опыт, тем глубже одиночество. Ну, уж нет, сегодня Ирина не одинока, у нее есть зрители, любимая работа и много планов на будущее. Нужно успеть организовать юбилейные концерты в Москве и Петербурге, а подготовка отнимает много времени и сил, так что задумываться об одиночестве некогда. Правда, за нее об этом, похоже, задумываются журналисты. В преддверии юбилея на всех центральных телеканалах, будто по дружному сговору, показывают документальные фильмы с ней в главной роли, причем, выставляют все так, словно она блистательная, но безумно одинокая женщина. Чего только стоят падающие под грустную музыку слезы в виде дождя, показанные в одном из фильмов. Остается только развести со вздохом руками – люди видят лишь то, что хотят видеть.

Кстати, о видении, те, кто не смог придти на торжество, прислали ей видео-поздравления, которые демонстрируются на большом экране. Трудно сдержать слезы, когда чувствуешь столько теплоты. «Настоящим чувствам расстояния не помеха» – думает актриса, и, словно в знак подтверждения этих мыслей, в зале звучат аплодисменты, когда заканчивается очередное видео.

Вы удивитесь, но не все на свете имеет свойство заканчиваться, например, стихия. Она может только на время затихать, но никогда не иссякнет. А если ты – часть этой стихии, то можно гарантировать, что твое имя останется в вечности. Названные чьим-то именем звезды на небе, улицы теперь превратились в обычное дело, но водопады – это встретишь не на каждом шагу. Впрочем, такого человека, как Ирина Мирошниченко тоже больше не встретишь, она уникальна как стихия. Наверно именно поэтому в ее честь назван исландский водопад. О, да, этот подарок вполне отражает ее стремительную, сильную и непокоренную ни одним мужчиной натуру. И в то же время, вода – начало жизни, источник сил. Такой она и должна остаться для каждого своего зрителя и друга до конца, что бы ни было. И Ирина не думает останавливаться, потому что пока способна играть в театре и кино, пока строит планы – она живет.